

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. г.
25 Сентября.

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

Н. БЕРДЯЕВЪ. ПАТРИОТИЗМЪ И ПОЛИТИКА.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ.

СВЯЩЕННИКЪ СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. КЪ ЦЕРКОВНОМУ СОБОРУ.

С. ФЕДОРЧЕНКО. СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. САМООПРЕДѢЛЕНІЕ РОССИИ И МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

ПРОФ. ТОТОМІАНЦЪ. КРИЗИСЪ КООПЕРАЦІИ.

* * * ПИСЬМА СЪ ФРОНТА.

ПРОФ. П. П. ГЕНЗЕЛЬ. РАЗГРУЗКА ИЛИ ИЗМѢНЕНІЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ?

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. ГРЕЧЕВЪ. ВСЕРОССІЙСКІЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8. Тел. 3-97-14 и 61—03.

ПАТРИОТИЗМЪ И ПОЛИТИКА.

I.

Мы, русскіе, слишкомъ привыкли говорить, что родина наша на краю гибели. Мы такъ долго говоримъ объ этомъ, и слова наши такъ мало дѣйственны, и такъ незначительны ихъ практическія послѣдствія, что скоро никто уже не будетъ вѣрить искренности и серьезности нашихъ словъ. Всѣ слова потеряли свой удѣльный вѣсъ и перестали быть дѣйственными. Происходитъ лишь быстрая смѣна министровъ, судорожно пытаются образовать сильное національное правительство, но эта перестановка атомовъ производитъ впечатлѣніе болѣзненного безсилія, и ничто существенное отъ нея не мѣняется. Это—явленіе вполне аналогичное «министерской чехардѣ», происходившей въ послѣдній періодъ существованія стараго режима. Основное направленіе общественной воли остается тѣмъ же. Для выхода же изъ трагическаго безсилія необходимъ внутренній психическій сдвигъ, необходима иная духовная атмосфера власти, болѣе свободная, болѣе правдолюбивая, воодушевленная не корыстными, классовыми и слишкомъ человѣческими идеями, а объективными національными и государственными идеями, независящими отъ человѣческаго произвола. Многие признають, что въ эту страшную и трагическую минуту русской исторіи Россію можетъ спасти лишь патриотическій подъемъ, лишь исключительное напряженіе національнаго духа. Но порыва этого у насъ нѣтъ, есть лишь призывы къ нему и слова о немъ. Всѣ патриотическія и государственныя слова правительства, произнесенныя на московскомъ государственномъ совѣщаніи, такъ и остались словами, не перешли въ дѣйствіе. Вся эта новая для русской революціонной интеллигенціи терминологія означаетъ лишь, что государственные младенцы наши проходятъ первоначальную школу и учатся по складамъ произносить слова: отечество, нація, государство. Естественноѣе, казалось бы, чтобы власть въ эту трудную минуту принадлежала тѣмъ, которые давно уже научились этимъ словамъ и чья психологія болѣе подходитъ для спасенія государства и для его устройства.

И въ это исключительное время хотятъ спасти Россію политическими комбинаціями, ничего существеннаго не мѣняя, ни отъ чего не отказываясь, ничѣмъ не жертвуя и не рискуя. За эти нѣсколько мѣсяцевъ уже успѣла образоваться такая инерція революціонной власти, какая въ старой власти образовывалась на протяженіи столѣтій. Психологія правительства революціонной демократіи слишкомъ во многомъ напоминаетъ психологію правительства Николая II. Уступки дѣлаются исключительно подъ вліяніемъ страха и опасности, а не по внутреннему сознанію національнаго долга. Наша революціонная политика заражена ложью, она быстро гніетъ и вырождается. Ложь была допущена въ самой первоосновѣ власти революціонной демократіи,—никакая высшая, объективная и для всего народа обязательная правда не была положена въ этой основѣ. Все оправдывалось *интересами* социальныхъ классовъ, отдѣльныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей. Но всякая власть, которая будъ тѣ и управляться исключительно интересами, неизбѣжно должна разлагаться. Въ основѣ сильной національной власти всегда лежитъ что-то, стоящее

выше всѣхъ интересовъ. Власть по природѣ своей не можетъ быть ни буржуазной, ни пролетарской, ею руководятъ не интересы классовъ, не интересы людей, а интересы государства и націи, какъ великаго цѣлага. Нѣтъ ничего легче, какъ сбиться въ политикѣ на путь лжи. Средства политической борьбы незамѣтно подмѣняютъ цѣли жизни. И въ разъяреніи политическихъ страстей трудно сохранить душу живую. Душа эта убивается господствомъ интересовъ и корыстной борьбой за власть. Тѣ, которые дорожатъ душевнымъ здоровьемъ народа, должны признать, что въ патриотизмѣ есть что-то болѣе первичное и болѣе связанное съ духовными основами жизни, чѣмъ въ политикѣ. Въ чувствѣ національномъ есть что-то болѣе интимное и болѣе глубокое, чѣмъ въ государственномъ сознаніи. И мотивы политическіе естественно должны были бы быть подчинены мотивамъ патриотическимъ. Тотъ, кто борется за родину, борется не за свои интересы и не за чужіе интересы, а за цѣнность, стоящую выше всякаго блага людскаго. Всякая великая борьба можетъ быть оправдана лишь какъ борьба за свою правду и за Бога. И политика, въ которой не будетъ этого духовнаго ядра, всегда будетъ лживой и разлагающей. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо можно сказать, что не время для политики, оторванной отъ духовныхъ основъ жизни и представленной самой себѣ и своимъ зыбкимъ и двусмысленнымъ стихіямъ. Дѣло идетъ о судьбѣ великаго народа и не только о внѣшней, политической и социальной его судьбѣ, но и о судьбѣ внутренней, о душѣ народа, которая можетъ быть загублена во имя призрачныхъ благъ.

II.

Большое значеніе московскаго частнаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, собравшихся 8—10 августа, нужно видѣть въ томъ, что оно было собрано исключительно по патриотическому порыву и преслѣдовало цѣли національнаго единенія. Это не было достаточно оцѣнено нашей печатью, не только «соціалистической», которая мертва къ національнымъ мотивамъ, но и «буржуазной». Московское частное совѣщаніе не представляло собой никакой политической комбинаціи, оно не было классовымъ объединеніемъ, оно стремилось создать национальный блокъ, въ который могутъ войти представители всѣхъ классовъ и социальныхъ группъ, поскольку они настроены патриотически и государственно. Нѣтъ никакихъ оснований отрицать, что въ такое единеніе могутъ войти и разумно настроенное и сознательное крестьянство, что народный базисъ его можетъ быть очень расширенъ. Такой национальный блокъ, или патриотическій союзъ, объединяющій различныя партіи и группы, долженъ быть устойчивымъ и длительнымъ образованіемъ. Въ немъ должна найти себѣ поддержку истинно-национальная власть. И нужно сказать, что то теченіе русской общественности, которое объединилось на московскомъ частномъ совѣщаніи, было настроено патриотически и национально, на немъ высказывались думы о спасеніи родины, а не того двусмысленнаго существа, которое у насъ именуется «революціей» и которое все болѣе и болѣе погружается въ ложь и нравственное растлѣніе. И если можно въ чемъ-либо упрекнуть московское совѣщаніе, то въ томъ, что его национальный характеръ былъ недостаточно сильно выраженъ, что слишкомъ много было, по современной терминологіи

«общенационального», а не национально-русского. Есть три основные страсти, которые могут быть пробуждены в народѣ и могут стать двигателями его исторической судьбы, это—страсть социально-классовая, страсть национальная и страсть религиозная. Безсовѣстные демагоги уже использовали самую низменную изъ этихъ страстей—социально-классовую. Она отравила Россію, убила чувство правды въ массѣ русскихъ людей, образовала въ душахъ нигилистическую опустошенность. И лишь пробужденіе страсти национальной и религиозной можетъ спасти русскій народъ отъ полнаго разложенія и растлѣнія. О страсти религиозной сейчасъ не мѣсто говорить, это слишкомъ великій вопросъ, страсть же национальная не можетъ быть «общенациональной» политической тактикой, она есть пробужденіе огненной народной стихіи.

Въ Россіи сейчасъ образовалось три теченія: одно хочетъ безусловно, безъ торга и безъ расчета спасти родину, въ которой видитъ вѣчную цѣнность, и требуетъ дисциплины въ арміи въ цѣляхъ патриотическихъ и национальных; другое хочетъ спасти родину условно, и расчетливо договаривается о томъ, чтобы родина была подчинена «революціи» и «демократіи», требуетъ исключительно «революціонной» дисциплины; третье безусловно предаетъ родину и требуетъ истребленія ея во имя всемірной революціи. Характеристика этихъ трехъ теченій, какъ «буржуазнаго», «умѣренно-соціалистическаго» и «крайне-соціалистическаго» есть условная ложь и вздоръ. Пора перестать придавать значеніе терминологіи черни, хотя бы она и мнила себя интеллигентной. Только люди, одержимые ложной идеей или совершенно темные и ограниченные, могутъ видѣть что-то «буржуазное» въ безусловной защитѣ родины и въ национальной настроенности, а социализмомъ называть условную защиту родины или безусловное ея преданіе. То, что у насъ въ теченіе полугода называютъ «соціалистическимъ» движеніемъ, представляетъ нестерпимую ложь и обманъ и является ширмой для самыхъ низменныхъ массовыхъ инстинктовъ и для безстыднаго демагогическаго имъ потворства. О социализмѣ сейчасъ въ Россіи нельзя серьезно разговаривать, его совѣмъ нѣтъ, есть лишь втапываніе въ грязь социалистической идеи. Русскій революціонный социализмъ есть явленіе совершенно реакціонное, онъ есть лишь наслѣдіе процессовъ разложенія старой Россіи. Нѣтъ у насъ и никакого здороваго, творческаго демократическаго движенія. Демократія понимается у насъ столь извращенно, что напоминаетъ какой-то пасквиль и карикатуру. Демоническая одержимость идеей равенства не есть демократія, ибо истинная демократія есть лишь исканіе путей подбора лучшихъ, установленіе истиннаго неравенства. И можно подумать, что миссія русской революціи—изобличеніе лжи, лежащей въ основѣ демократическаго принципа, не желающаго подчинить себя высшей правдѣ. Изолгавшаяся демократія и изолгавшійся социализмъ есть явленіе нравственно-безобразное. И мы болѣе всего нуждаемся въ нравственномъ оздоровленіи нации, въ духовномъ ея возрожденіи, въ пробужденіи вѣры въ Бога правды. Русскій народъ не можетъ достойно воевать, потому что онъ потерялъ вѣру въ святыни, превышающія всякія блага земныя. Война во имя собственныхъ интересовъ, во имя «земли и воли» не можетъ быть оправдана. Ужасъ войны не можетъ быть принятъ во имя разсудочныхъ и утили-

тарныхъ соображеній. Этотъ трагическій ужасъ можетъ быть принятъ лишь тѣми, которые вѣрятъ въ цѣли жизни и святыни, лежащія выше данной эмпирической жизни съ ея ограниченными интересами. Но вѣра въ божественный смыслъ жизни ослабѣла въ русскомъ народѣ и онъ потерялъ силу въ самую страшную минуту борьбы.

III.

Трагическія событія, связанныя съ именемъ генерала Корнилова, говорятъ о томъ, что мы продолжаемъ жить въ атмосферѣ двусмысленности и мути. Въ томъ, какъ разыгрались послѣднія событія, чувствуется демоническое сцѣпленіе лжи и путаницы. Приходится думать, что темныя силы дѣйствуютъ противъ Россіи и не позволяютъ ей найти выходъ изъ трагическаго положенія. Нынѣ господствующія въ русскомъ государствѣ силы такъ же не терпятъ правды и свѣта, какъ не терпѣли ихъ силы, господствовавшія въ старомъ строѣ. Старая власть исключительно жила страхомъ революціи; новая власть столь же исключительно живетъ страхомъ контръ-революціи. И то и другое состояніе одинаково не творческое, одинаково униженное, одинаково обрекающее на ложь и свѣтобоязнь. Это—путь болѣзненной мнительности, незаметно переходящей въ злобную мстительность, и увѣнчивается онъ провокаціей. Это—мрачное царство подполья, изъ котораго никакъ не можетъ выйти наша несчастная родина. Мы и послѣ переворота, который долженъ былъ освободить насъ, продолжаемъ задыхаться въ мутной лжи. Свобода мысли, свобода слова у насъ задавлены. Слишкомъ ясно для честныхъ людей, что въ обвиненіяхъ противъ генерала Корнилова накопилась чудовищная ложь, обманъ и путаница. И вся Россія должна прежде всего потребовать выясненія истины и правды, которыми нельзя пожертвовать ни во имя чего на свѣтѣ. Нельзя потерпѣть, чтобы печать принудительнаго молчанія была вновь наложена на наши уста. И если возмутительная ложь владѣетъ нашей жизнью, то она должна быть изобличена и о ней нужно кричать на всѣхъ перекресткахъ. Революціонная власть такъ же не можетъ освободиться отъ большевизма, какъ власть до-революціонная не могла освободиться отъ черносотенства, и потому она не можетъ быть национальной и патриотической. То, что у насъ революціонная пошлость называетъ «развитіемъ и углубленіемъ революціи», питалось ядомъ большевизма, который лишь въ болѣе развѣженномъ видѣ присутствуетъ и у социаль-демократовъ, меньшевиковъ и у социалистовъ-революціонеровъ. Большевикская бацилла имѣетъ превосходную культуру въ крови русской революціонной интеллигенціи, это—лишь новая форма ея исконнаго социальнаго максимализма, который есть лишь обратная сторона ея исконнаго религиознаго нигилизма. Радикальное освобожденіе отъ большевизма предполагаетъ духовный переворотъ. До этого желаннаго духовнаго переворота власть въ рукахъ русской интеллигенціи никогда не будетъ патриотической и национальной.

Можно разнѣ оцѣнивать для даннаго момента роковое столкновеніе между генераломъ Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ, но отрицать героическій патриотизмъ ген. Корнилова и его беззавѣтную преданность родинѣ можетъ лишь злая воля или корыстный расчетъ. Это должно быть признано по инстинкту правдивости, независимо отъ принадлеж-

ности къ той или иной партіи. Политика съ ея страстями и разсчетами, съ ея борьбой интересовъ и борьбой за власть, не должна закрывать непосредственной жизненной правды. Всякая ложь должна быть низвергнута и для этого должны объединиться всѣ честные и правдивые, всѣ совѣстливые и любящіе свѣтъ. Мятежъ противъ лжи есть священное право и священная обязанность человѣка. Всѣ политики и всѣ социализмы, всѣ революціи и всѣ контръ-революціи, всѣ социальные интересы и социальные устройства ничто по сравненію съ вѣчнымъ свѣтомъ правды, съ духовной жизнью человѣка. Въ непосредственномъ патриотическомъ порывѣ есть непосредственная жизненная правда, которой можетъ и не быть въ политикѣ. Въ Россіи должно начаться организованное патриотическое движеніе и требовать правды въ политикѣ. Атеистическая политика не можетъ не быть ложью, она жертвуетъ истиной и правдой во имя фиктивного блага людей, превращая это благо въ идолъ. Но выше корыстнаго блага людскаго должна быть поставлена правда духовной жизни, безъ которой нѣтъ человѣка, нѣтъ въ немъ образа Божьяго, нѣтъ народа съ великой исторической судьбой.

Николай Бердяевъ.

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ.

Временникъ.

IV.

По ратнымъ мукамъ.

На Дмитровъ день пришелъ и мой чередъ.

Отдалъ я писарю мой синій билетъ и пересталъ быть: былъ человѣкъ, сталъ ратникъ.

Говорилъ мнѣ Терентій Ермолаичъ, полотерный мастеръ: «взять васъ не возьмутъ, а только измучаютъ». Старый солдатъ—удушливые газы разрабатывалъ.

Такъ оно и вышло.

Съ утра я являлся въ казармы и ждалъ.

— Приходи завтра!—не глядя, за дѣлами, огрызался писарь.

— Подожди на дворѣ! — отмахивался другой, еще болѣе занятой, весь осинѣвшій отъ синихъ билетовъ, которые принималъ изо-дня-въ-день безъ счета.

Терпѣливо я ждалъ на дворѣ. Выходила перекличка, но меня не выкликали, и я шелъ домой, чтобы на слѣдующее утро снова итти въ казармы и ждать терпѣливо.

— Приходи завтра!

— Подожди на дворѣ!

Такъ изо-дня-въ-день.

И чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе становился писарь — надоѣсть вѣдь одно и то же!—а я нетерпѣливѣе: или забыли меня?

Еще чего захотѣлъ: забыли? Не забыли. Не одинъ я, насъ много такихъ.

И вотъ дождались: выкликнули, выстроили насъ и повели.

Толклись въ околоткѣ у доктора.

Тутъ всякія килы показывали и язвы и жилы синія.

Какой-то старикъ—по документамъ сорокалѣтній — растерянно обращался ко всякому:

— У меня, — повторялъ онъ,—хроническая г...ея, воспаленіе пузыря.

И такъ жалобно морщился, по этимъ его морщинамъ больнымъ видно было, какая это боль его каменная.

А другой показывалъ сюда—на сердце: не жила, такъ не увидишь.

Сидѣли на корточкахъ костлявые и опухшіе съ градусниками. Одѣтые и полураздѣтые стояли въ очереди.

Докторъ много не разговаривалъ, ставилъ статью: такая-то статья и слѣдующій! Въ околоткѣ не задерживали.

И тѣ, кто раздѣвался, живо одѣлись.

Ужъ безъ строя разбереженныхъ и встрянутыхъ повели назадъ во дворъ.

И опять перекличка.

И опять:

— Приходи завтра.

А на завтра:

— Подожди на дворѣ.

Совсѣмъ изморѣлыхъ водили еще въ Присутствіе.

— Чего вы, ребята, скучно идете, гряньте-ка пѣсню!—трунили конвойные.

А ни у кого духа не хватало, шли молча.

— Три деревни—два села!—не унимался, зубоскалил конвойный.

Шли по Гороховой, потомъ повернули по Садовой, кто съ килой, кто съ жилой, а кто—такъ не покажешь. И тотъ старикъ сѣменилъ, повторяя свое жалко о пузырѣ.

Въ присутствіи велѣно было всѣмъ раздѣться, все равно, съ килой или глазомъ.

Сидѣли въ кучѣ пришибленные въ испаринѣ, — такъ души передъ Творцомъ смерти ждуть своей участи. И было неловко выходить къ столу, гдѣ въ чистыхъ мундирахъ зорко тебя осматривали и, судя, перешептывались.

Однимъ назначали на испытаніе, другихъ принимали.

И тѣ, кто былъ принять, шли изъ Присутствія на сборный пунктъ.

А тѣ, кто подлежалъ еще испытанію, должны были начинать все сначала: по утрамъ являться въ казармы на перекличку и терпѣливо ждать, когда выкликнутъ, чтобы съ партіей такихъ же итти подъ конвоемъ въ госпиталь.

Эти ожиданія на казарменномъ дворѣ, хожденія на осмотръ и осмотръ открыли и передо мной щелку, и я заглянулъ въ самое нутро того, что зовется войной, я почувствовалъ ее не ту, о которой пѣсни поютъ, а тѣ ея будни, о которыхъ никакого склада не сложишь и никакой сказки не скажешь.

И душа моя отшатнулась.

Вся наша жизнь въ семь вѣкъ есть только разубранное и разукрашенное подкапываніе и подсиживание сосѣда, только отравленіе и подтачиваніе вѣка ближняго—убійство скрытое, а война, это ужъ убійство откровенное и ничѣмъ неприкрытое. И если для мирнаго убійства, для житія мірскаго, прежде всего надо умъ и ловкость, для войны прежде всего мясо здоровое, крѣпкое и зоркое.

И вотъ съ разныхъ концовъ Петербурга согнали насъ разныхъ и по жизни и по душѣ и по духу, чтобы отобрать годныхъ и отбросить дрянъ.

Дрянъ, къ которой принадлежалъ и я, были самые несчастные: мы ни къ чему были и просто не имѣли смысла быть на бѣломъ свѣтѣ, и съ нами не считались.

Толкаясь днями на казарменномъ дворѣ въ ожиданіи переклички, я смотрѣлъ на годныхъ—настоящихъ, которые уходили на сборный пунктъ, а оттуда на муштровку въ казармы, чтобы, наловчившись нужнымъ приемамъ, итти воевать. И среди бородатыхъ сверстниковъ моихъ я замѣтилъ о ту пору—въ третій годъ войны—что о Россіи, которую защищать отъ враговъ и собрали насъ всѣхъ, и годныхъ и негодныхъ, о Россіи, о родинѣ нашей, не было рѣчи, а было одно:

— Все равно, скоро война кончится.

И эта мысль о скоромъ концѣ,—даже срокъ ставили: весна,—примиряла людей моего возраста семейныхъ и ужъ тронутыхъ нелегкой мирной жизнью, озабоченныхъ, съ ихъ трудной участью.

— Война скоро кончится!

V.

Между сыпнымъ и тифознымъ.

Въ туманное петербургское утро, когда каждый разговоръ, каждый звукъ и окликъ, какъ этотъ желтый туманъ нескій, поднимаютъ въ душѣ неизъяснимую тоскующую тоску и скорбью переполняютъ сердце, въ туманнсе, любимое мое утро ввергнуть былъ въ госпиталь и сорокъ четыре дня и сорокъ четыре ночи живой, только негодный, провель я среди умирающихъ и мертвецовъ.

Когда послѣ ужина больные укладываются по своимъ койкамъ на сонъ грядущій и бѣлая ночная сидѣлки приманиваются на лавку подремать до полунощнаго звонка, выхожу тихонько изъ палаты, осторожно иду по каменнымъ гладкимъ квадратамъ, мимо запертаго телефона, безконечнымъ, какъ въ крещенскомъ зеркалѣ, сводчатымъ коридоромъ.

Тамъ въ концѣ открытая палата—подъ голубымъ матовымъ огонькомъ тифозный и два крупозныхъ, а въ окно имъ съ воли зеленый, прыгающій подъ дождемъ фонарь. Ни фонаря дождливаго, ни огонька они не видятъ—шары малиновые, зеленые, красные подъ потолкомъ и лапа давить грудь.

Въ уголку, какъ свѣчка, всю ночь сестрица.

— Спице, чего вы?—шепчетъ сестрица.

А мнѣ что-то и сна нѣту.

Иду на другой конецъ—безконеченъ, какъ въ крещенскомъ зеркалѣ, сводчатый коридоръ,—тамъ въ душныхъ бинтахъ сыпные и запахъ мази.

Наша палата—камера, какъ я говорю себѣ, потому что есть что-то между тюрьмой и госпиталемъ, или эти окна съ рѣшетками и уйти нельзя?—наша палата въ середкѣ, наши сосѣди—туберкулезъ и такіе, какъ мы, кто съ сердцемъ, кто съ животомъ. И изъ нашей палаты прямо черезъ сводчатую широкую площадку—сѣни ходъ въ уборную и къ той двери, черезъ которую никто еще изъ заключенныхъ не выходилъ, а только выносятся.

Рѣдкую ночь не услышу, какъ звенять колесики кровати—это катать кровать съ помершимъ изъ палаты на площадку къ уборной, и рѣдкое утро робко не пройду я мимо ширмъ, за которыми лежитъ закрытый простыней покойникъ.

Утро, когда послѣ ночи боли рѣзче и часомъ не смотрѣлъ бы на свѣтъ, наше утро, когда въ коридорѣ колютъ сахаръ, разносятъ хлѣбъ и кипятокъ по палатамъ, а изъ палаты мочу, а тамъ на волѣ туманы, любимое петербургское утро, и сквозь туманъ я вижу

госпитальный дворъ, промокшія дрова и огонекъ на кухнѣ, наше утро—оно грепетно, какъ поздній вечеръ.

Тутъ приходитъ изъ мертвецкой Андрей одноухій, на немъ огромная сѣрая куртка, какъ на пожарномъ, онъ притащилъ казенный коричневый гробъ. Выйдутъ сидѣлки изъ припарочной, положатъ покойника въ гробъ и въ ту вонь дверь.

И останется одна дощечка—по черному бѣлымъ: палата, отдѣленіе, имя и болѣзнь по-латыши. Фельдшеръ отмѣтитъ въ книгѣ, лаборанщикъ Гасюкъ погаситъ бѣлую надпись.

Господи, сколько послѣднихъ минутъ, сколько жалкаго безпомощнаго дѣтскаго крика послѣднихъ минутъ за всѣ эти ночи!

И какая ни будь распаскудная жизнь, а какая она!—разставаться не хочется. И какіе бывають на свѣтѣ люди и обидчики, и жестокие, а какъ придетъ эта минута, какъ дѣти.

Съ вечера, когда въ коридорѣ пустѣеть и наши халаты синіе и коричневые красятся въ черное, а сидѣлки въ бѣлое,—безпокойно въ коридорѣ вечеромъ.

Это она выходитъ изъ своего угла,—я не знаю, гдѣ тутъ ея домъ, можетъ, въ теплѣ у банщика Вани: онъ чего-то долго по утрамъ не открывается и, стучи не стучи, не пустить въ теплую ванну,—она выходитъ въ сумерки, я ее чувствую, какъ чувствуютъ обреченные, для которыхъ съ каждымъ шагомъ ея постылѣть свѣтъ: все имъ не такъ, все не по нимъ,—она идетъ, необыкновенная, пробирается по скользкимъ каменнымъ квадратамъ съ тугой вѣрной веревкой.

Отъ всѣхъ насъ, входящихъ въ госпиталь, отбиралась въ приемномъ покоѣ наша вольная одежда. И вотъ сосѣдъ мой хиромантъ Шавлыгинъ, захлестнутый веревкой, цѣпляясь за послѣднюю нить жизни, вспомнилъ о сапогахъ.

Онъ былъ при послѣдней минутѣ, ужъ шаги слышалъ и вихрь на него вѣялъ съ той воли.

— Пришли, принимайте!—сказалъ кто-то.

И къ двери палаты подошли сидѣлки, ея сидѣлки, несли на плечахъ гробъ, и свѣтъ въ рукахъ первой заколебалась подъ вихремъ.

— Давайте сапоги!—задыхался Шавлыгинъ, глотая отравленный воздухъ.

Думалъ несчастный, будь сапоги на ногахъ, въ сапогахъ выдерется изъ петли, выскочитъ изъ палаты.

Нѣтъ, умирать никому не хотѣлось.

Ужъ, кажется, какую муку принимали сердечные: одинъ кашель ихъ—да это пилы, сверла и зубья всякіе, разрывавшіе по ночамъ имъ грудь, думаешь, хоть бы конецъ, чего такъ-то мучиться! А упирались.

И другой сосѣдъ мой монтеръ Фигуровъ, когда она захлестнула его, очень слабый былъ, а вскочилъ съ койки, ноги-то худыя, однѣ ноги видны, такъ и впился ногами въ полъ.

— Пустите!

Да ужъ куда тамъ, ее не осилишь. И отлетѣла душа его хрупкая, какъ электрическая лампочка—тюльпанъ.

Былъ монтеръ Фигуровъ высокій, рослый, а какъ въ гробъ класть, подобрался весь, какъ заяцъ, а руки сложенные крестомъ, какъ перломутровыя.

Жизнь наша нелегкая, тревожная, сколько огорчений однихъ!—на бѣломъ-то свѣтѣ жить, если бы все показывали, какъ оно будетъ, пожалуй, почешешься, соглашаться ли, а какъ стукнетъ конецъ, разставаться и не хочется: какую-нибудь травинку

вспомнишь, ну самую обыкновенную, крапиву жигучую, которая около дома росла, вспомнишь—Господи, такъ бы на нее и смотрѣлъ все.

Умираю: за того, кого любятъ и за то, что любятъ, умираю: изъ чести и умираю по долгу.

Но нешто много такихъ, кто любить такъ, чтобы умереть, и такихъ, для кого есть честь, и много-ль найдется въ нашъ нищій день, обездоленный духомъ, кто бы до конца исполнилъ свой долгъ?

Въ уборной у насъ курилка, тамъ же и клубъ. Тутъ всякія исторіи рассказываются, тутъ и философія.

Я спросилъ сосѣдей моихъ курильщиковъ:

— А какъ на войнѣ? Какъ на войнѣ умираютъ?

И сколько ни рассказывали сосѣди мои, я изъ всѣхъ ихъ рассказовъ понялъ одно, что хоть и идти на смерть по присягѣ, а умирать никому не охота. И еще я понялъ, что тотъ только смѣетъ призывать къ смерти, только тотъ, только тотъ, и это изъ всѣхъ словъ вопіяло, кто самъ готовъ по всей правдѣ итти и умереть.

— А то много такихъ,—серчалъ Тошакъ съ ирострѣленнымъ бокомъ,—сидятъ въ теплѣ, сыты: «видите, братцы, помирать за родину!». «Пожалуйте, самъ попробуйте!».

«Мандолинщикъ плѣнный изъ Германіи!»—такъ почему-то въ первый мой день меня встрѣтили въ клубѣ нашему курильщики. Или ожидали такого мандолинщика и я за него сошелъ: я будто бы попалъ въ плѣнъ къ германцамъ, а теперь за негодностью назадъ въ Россію выпровожденъ.

Грѣшнымъ дѣломъ признаться, на мандолинѣ я играть не учился и не умѣю, но это неважно, за кого бы ни считали. Даже, пожалуй, это мнѣ на пользу: пѣсельникъ, мандолинщикъ, скоморохъ—«веселые люди», какъ въ старину ихъ у насъ на Руси величали, въ тяготѣ житейской, среди буденъ жестокихъ случайныхъ и немилостивыхъ влекли къ себѣ своимъ искусствомъ, растрavляющимъ и отводящимъ душу.

И я много наслушался о житьѣ-бытьѣ нашемъ—о горькомъ безтолковомъ, о темномъ и щемящемъ.

Не разъ я о войнѣ спрашивалъ, я спросилъ и о врагѣ:

— Какъ па счетъ врага? Какой онъ, страшный?

И изъ всѣхъ рассказовъ одно вынесъ, что врага-то по настоящему нѣтъ никакого, а что воюютъ, потому что такъ нужно, и будутъ воевать, потому что присяга—долженъ.

— И онъ по присягѣ.

И съ какою нѣжностью, словно о малыхъ ребятахъ, передавали о плѣнныхъ и какъ ихъ чаемъ поили и какъ хлѣбъ давали.

А ко всему одно, одно и неизмѣнно, ко всѣмъ рассказамъ:

— Скоро и войнѣ конецъ.

И даже срокъ ставили—вотъ чудеса!—весна.

Помню, кто-то изъ курильщиковъ, сосѣдей моихъ клубныхъ, за папирской гонимой философствовалъ, какъ тамъ на войнѣ въ тяготѣ да въ опаскѣ думается, вотъ только бы вернуться и поидеть ужъ новая жизнь, и въ письмѣ другой пишетъ о этой новѣй жизни и, если выпивалъ да крутъ былъ, клянется, ни въ жизнь ни столечко не выпьетъ и никогда не обидитъ, только бы Богъ сохранилъ. Ну, а случаемъ вернутся домой на побывку и прощай ты, новая жизнь, пошелъ по старому.

— Человѣка ничѣмъ не прошибешь!—сказалъ черный Балягинъ; мы его тараканомъ звали, черный, и жизни ему оставалось до первой оттепели.

— Неужто ничѣмъ не прошибешь?

— А Сибяевъ?—замѣтилъ кто-то.

— Какой Сибяевъ?

Шель я изъ лабораторіи послѣ выкачивания, въ глазахъ зеленѣло, иду, хоть бы до палаты дотащиться, а меня за руку Тошакъ и показываетъ:

— Сибяевъ изъ 31-й!

Я о ту пору такъ только взглянулъ: вижу, молодой, рослый, халатъ до колѣнъ. Потомъ ужъ разобрался.

Сибяевъ контуженный ходилъ по коридору, не подымая глазъ.

До войны «фюлиганъ», какъ говорили про него сосѣди и какъ жаловалась его родная мать. Мать его прачка, и такъ работа нелегкая да еще и отъ сына горе: что заработаетъ на стиркахъ, лодарь все пропьетъ, да и поколачивалъ. А тутъ, какъ случилось, снарядъ разорвался, его словно бы всего передернуло. Вернулся онъ домой къ матери и совсѣмъ какъ не тотъ: станеть на колѣни передъ матерью, все прощенье просить, и такая память вдругъ, все-то припомнилъ, какъ измывался, какъ колотилъ, и просить простить, клянется, что никогда ужъ не будетъ такъ, и только бы поправиться, все самъ дѣлать будетъ, беречь будетъ.

Мать ужъ не знаетъ, что и дѣлать, она все простила, все забыла, вѣдь, она Бога-то молила, чтобы только не такъ ужъ сынъ-то ея непутный поѣдомъ ее ѣлъ, ну, пошумитъ немножко, ничего, а онъ—на колѣняхъ. Мать все простила, а онъ помнитъ, забыть не можетъ, самъ себѣ простить не можетъ.

«Господи, зачѣмъ это я сдѣлалъ? Господи, чѣмъ поправлю? Господи, не могу забыть!»

Сибяевъ изъ тысячи тысячъ ничѣмъ не пришибаемыхъ одинъ прошибленный ходилъ по коридору, не подымая глазъ.

— Это совѣсть,—сказалъ про него Тараканъ,—пропадетъ!

Бѣлая зима настала. Покрѣпчало и въ палатахъ и кашель сердечный поутихъ—и ей отдыхъ: то-то, должно быть, пріятно у банщика Вани въ горячей ваннѣ лежать. А па Наума подулъ съ моря вѣтеръ и зажелтѣло на волѣ. И опять ночами зазвенѣли по коридору колесики кровати, опять по утру на площадкѣ цизмы.

Заглянулъ я за ширмы, а тамъ подъ простыней Тараканъ.

А Сибяевъ держался, не смѣя поднять глазъ на бѣлый свѣтъ.

И когда по испытаніи въ концѣ госпитальныхъ дней моихъ въ канунъ послѣдней комиссіи лежалъ я пластомъ, какъ сосѣди мои обреченные, вспоминались мнѣ разговоры наши и думы мои о жизни и смерти, и о такой любви и о такой чести и долгѣ, ради которыхъ умираютъ, и о войнѣ, которую вѣютъ, потому что такъ надо по присягѣ, и о врагѣ, котораго по настоящему нѣтъ никакого, и опять о смерти, къ которой призывать смѣетъ только тотъ, только тотъ, кто самъ готовъ по всей правдѣ итти и умереть, и о жизни, будь она самой жалкой и ничтожной, раскусудной, но для каждаго единственной и важной, неискупаемой и цѣлымъ міромъ, а въ глазахъ стоялъ Сибяевъ изъ тысячи тысячъ непрошибаемыхъ одинъ прошибленный съ своей совѣстью, одна которая могла бы легко и просто развовать всю нашу жестокою

войну и въ мирной жестокосердечной жизни и на бранных полях кровавыхъ, и разрѣшить всякую присягу и вѣрнѣ самаго вѣрнаго динамита разворотить и самыя крѣпкія бетонныя норы, куда запрягались люди, чтобы ловчѣе бить другъ друга, и свѣтомъ своимъ безукорнымъ уничтожить и самую тьму смертную.

«Господи, чѣмъ поправлю! Господи, не могу забыть!»

VI.

Огненная мать-пустыня.

На Святкахъ смотрѣлъ картину: большая, въ полстѣны, окопъ изображенъ, вышли, идутъ. Лица все знакомыя, ихъ увидишь и безъ окопа, всякія и благообразныя и звѣрскія и остекленѣвшія, а одинъ выскочилъ, щеки надуты, видно, хлыстомъ погнали, съ перепугу ничего не понимаетъ, а посередкѣ офицеръ—подстрѣленный.

Но не въ этомъ суть картины, не въ лицахъ, не въ глазахъ, а въ землѣ и небѣ. Эту землю и это небо видить подстрѣленный офицеръ, отъ котораго душа отлетаетъ—и ноги его чуть отъ земли, какъ на иконахъ пишутъ.

Я смотрѣлъ на картину и думалъ:

«Что это за небо такое глубокое и что за земля такая черная и такая зеленая, неправдашная?»

Есть у меня старинный образъ—три московскихъ чудотворца, стоятъ они наги, а передъ ними Москва-рѣка течетъ, а за рѣкой кремль московскій съ башнями, направо вверху Троица, а осѣняетъ чудотворцевъ дубрава.

Да эта самая дубрава она и тутъ на картинѣ—это мать-пустыня, огненная мать-пустыня съ небомъ ея нездѣшнимъ и землей зеленой.

На Ильинъ день по-нашему, на Спасовъ по-ихнему, по царскому слову вышелъ русскій народъ со всѣхъ концовъ несчастной земли нашей русской на ратное терпѣніе и смерть.

Русскій народъ по суду Божьему оставилъ домъ и пошелъ въ пустыню.

Мать-пустыня, куда уходили только избранные, горькая, огненная, по суду Божьему открылась передъ всѣмъ народомъ русскимъ и избраннымъ и призваннымъ и заключеннымъ.

Будутъ гадать и спорить, кто огонь пустилъ землю жечь, запалилъ міръ со всѣхъ концовъ, который царь или какіе воротилы, и для чего, и докажутъ: такой-то царь или такіе-то воротилы или ихняя шайка воровская и съ такимъ-то умысломъ и потому-то,—но почему земля изрыта и нѣтъ дома безъ потери и столько несчастныхъ недобитыхъ осталось доживать въ міръ убогій вѣкъ свой—судъ Божій кто разгадаетъ?

Огненная мать-пустыня съ постомъ, терпѣніемъ, съ уныніемъ пустыннымъ и искушеніемъ, мать-пустыня прекрасная съ дубравой и густыней, съ птицами райскими и цвѣтами, какіе вспоминаешь да во снѣ снятся, ты открыла по суду Божьему врата свои передъ русскимъ народомъ, передъ землей—родиной нашей несчастной на грознаго Илью по-нашему, на Спаса Милостиваго по-ихнему.

Алексій Ремизовъ.

КЪ ЦЕРКОВНОМУ СОБОРУ.

I.

Между тѣмъ какъ по церквамъ возглашается молитва за «благовѣрное временное правительство», а нѣкоторые дьякола упрощаютъ это необычное выраженіе, измѣняя его въ «благовременное правительство», одинъ изъ членовъ этого «благовѣрнаго правительства» обращается къ крестьянамъ съ такой рѣчью: «Я надѣюсь, что новой «земной троицѣ»—совѣту крестьянскихъ депутатовъ въ единеніи съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ—удастся, наконецъ, завоевать народу ту землю и волю, которой не сумѣла ему дать небесная Троица». Раздаются бурные аплодисменты. «Напечатайте рѣчь въ миллионѣ экземпляровъ! Распространяйте ее по всей Россіи!» раздаются многочисленные голоса.

Не случайны эти аплодисменты. Деревенскіе храмы пустѣютъ, старое благочестіе поддерживается однѣми бабами, чудотворныя иконы не принимаются. Скудѣетъ благочестіе деревни, но вырастаетъ благочестіе города, открытіе церковнаго собора въ Москвѣ было горячо встрѣчено народомъ. Но оправдаетъ ли московскій соборъ народныя надежды? Дастъ ли онъ хлѣбъ голодной толпѣ? Не укоренить ли онъ въ народномъ сознаниі представленіе о «безплодности» небесной Троицы?

Когда Христосъ увидѣлъ голодныя толпы, онъ сдѣлалъ чудо, насытилъ народъ хлѣбомъ и рыбой. И только тогда заговорилъ онъ о «хлѣбѣ, сходящемъ съ неба», когда далъ людямъ хлѣбъ для поддержанія физической жизни. Говорить голодному о небеспомъ блаженствѣ—жестоко и лицемерно. Не министр-соціалистъ съ его наивнымъ матеріализмомъ, не несчастные мужики, аплодирующие его грубой шуткѣ, заслуживаютъ религіознаго осужденія. Все это—печальныя послѣдствія русскаго церковнаго сна. «А наемникъ, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ... потому что наемникъ и не радить объ овцахъ».

Та церковь, которая въ теченіе вѣковъ была «наемникомъ» государства, не можетъ удержать народъ въ своей оградѣ. Ни та часть духовенства, которая внезапно полѣвѣла и предлагаетъ составить новыя литургіи, соответствующія демократическому строю Россіи, ни та притаившаяся громадная часть, которая мечтаетъ о контръ-революціи, а то и о желѣзной рукѣ Вильгельма, которой будетъ раздавлена русская свобода,—ни та, ни другая неспособны насытить духовный голодъ народа. А голодъ этотъ разгорается.

Съ первыхъ засѣданій собора проявилось раздѣленіе его на двѣ группы: бѣлое духовенство съ мірянами и черное духовенство съ епископами. Первая группа—демократическая, протестантизирующая, вторая—клерикальная, не миряющаяся въ глубинѣ души съ новымъ строемъ, не очень тяготившаяся самодержавнымъ режимомъ. Одно начало можетъ объединить обѣ группы: *начало русской національной святости*.

Но это начало по природѣ своей не можетъ стать началомъ возрожденія. Идеаль русской національной святости былъ выдвинутъ расколомъ старообрядчества, тамъ онъ проведенъ до конца, искренность и духовная сила ноборниковъ этого идеала доказала себя кровью исповѣдниковъ и мучениковъ. Однако, при всемъ уваженіи къ старообрядчеству, не въ немъ видимъ

мы источникъ возрожденія церкви. Когда антихристъ въ «Повѣсти» Владиміра Соловьева высказываетъ свое пониманіе православія, онъ говоритъ: «Знаю я, что между вами есть и такіе, для которыхъ всего дороже въ христіанствѣ его *священное преданіе*, старыя символы, старыя пѣсни и молитвы, иконы и чинъ богослуженія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть дороже для христіанской души?»

Но этому взгляду антихриста противопоставленъ иной взглядъ епископа старца Іоанна: «Всего дороже для насъ въ христіанствѣ самъ Христосъ,—Онъ Самъ, а отъ Него все, ибо мы знаемъ, что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно».

Раздадутся ли на Московскомъ Соборѣ слова, подобныя словамъ епископа Іоанна? Или борьба за церковь, борьба за святыню сведется къ борьбѣ за старыя иконы, старыя пѣсни, за «Новгородскій стиль?»

II.

Какъ вернуть русскій народъ къ церкви, какъ спасти нашу деревню отъ развѣдающаго ее нигилизма, какъ дать ей истинный совѣтъ духовнаго просвѣщенія? Вотъ о чемъ должно поднять рѣчь на соборѣ. Мы стоимъ передъ необходимостью создать миссіонерскія общества не для отдаленной Сибири и ея инородцевъ, а для центральныхъ нашихъ губерній. Возстановленіе полноты образа Христова въ народномъ сознаниі спасетъ насъ какъ отъ попытокъ возвращенія къ дряхлому цезаропапизму, такъ и отъ пошловатой демократизаціи Церкви въ стилѣ Григорія Петрова. Въ основѣ церковнаго міровоззрѣнія лежатъ два понятія: *тайны* и *любви*. Рационализмъ стремится упразднить первое понятіе, односторонній аскетизмъ—второе. Оба начала слиты въ верховномъ таинствѣ церкви, въ таинствѣ причащенія, евхаристіи. И какъ угасъ, какъ еле тлѣетъ евхаристическій огонь въ нашемъ народѣ, какъ безучастенъ народъ къ литургіи, какъ предпочитаетъ онъ ей молебны угодникамъ! Уяснить литургію и евхаристію, побудить народъ къ частой исповѣди и причащенію,—вотъ начало религіознаго оздоровленія Россіи. Тотъ духовный огонь, который питается усвоеніемъ любви и страданій Христовыхъ, скоро сожжетъ ту слизь равнодушія, которою обросло народное сердце.

Партіи современнаго духовенства стремятся или къ слишкомъ старому, или къ слишкомъ новому. Тому и другому должно противопоставить *вѣчное, неизмѣнное*. Преданіе православія дорого намъ не потому, что оно старое преданіе (преданіе языческой Греціи или Египта много старѣе), и не потому, что оно *наше*, а потому, что оно—дѣнь, связующая насъ съ явленіемъ Христа во плоти, потому что, отступивъ отъ этого преданія, мы неизбѣжно становимся жертвой субъективныхъ призраковъ нашего воображенія. Православіе для насъ не русская государственная вѣра и не русская народная вѣра, а вѣра апостоловъ и учителей православнаго Востока.

Съ паденіемъ самодержавія, съ замѣной оберъ-прокурора синода министромъ исповѣданій, русская церковь стала передъ необходимостью самоопредѣленія. Чтобы сохранить свою святыню среди политической бури, русская церковь необходимо должна выйти изъ рамокъ національнаго преданія и ощутить свою связь съ преданіемъ вселенскимъ. Необходимо

открыть окна закупореннаго зданія и не бояться дуновенія вѣтровъ отъ «запада, сѣвера и моря», отъ Константинополя, Іерусалима и Рима.

У собора уже явилась прекрасная мысль о паломничествѣ къ мощамъ преподобнаго Сергія. Не явится ли у него и другая мысль: о паломничествѣ въ новый Іерусалимъ, къ гробницѣ Никона, въ громадный, какъ Ватиканскій Петръ, храмъ Воскресенія, гдѣ стоятъ праздыя каедры вселенскихъ патріарховъ? Та власть которая столкнула Никона, власть цезаропапизма,—разложилась на нашихъ глазахъ. При всѣхъ грѣхахъ Никона, его гробница служить для насъ символомъ великой идеи, идеи вселенской церкви. Оказавшись побѣдителемъ въ борьбѣ съ націонализмомъ старообрядчества, Никонъ палъ подъ ударами государственнаго абсолютизма. Рядомъ съ царемъ не могъ существовать партіархъ, ибо русскій царь сознавалъ себя главой восточной теократіи. Теперь, когда палъ цезарь-папа, долженъ вновь вырости патріархъ, какъ законный глава русской церкви. Но чтобы имя патріарха не осталось пустымъ титуломъ, археологической реставраціей, необходимо расширеніе границъ русской церкви на Востокъ и Западъ, не въ смыслѣ завоевательномъ, а въ смыслѣ слиянія ея съ широкимъ русломъ вселенской церковности.

Священникъ *Сергій Соловьевъ*.

СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

Записи С. Федорченко.

— Я съ Семеномъ вдвоемъ пошли, а барана несемъ по очереди. Не мѣшаетъ, живой, а не противится. Но однако устали, сѣли посидѣть, не замѣтили, какъ уснули. Сплю, слышу, Семень меня тихонько окликаетъ, нѣмцы коло насъ... Какъ не было сна, сижу, въ ночь темную словно сова смотрю, ничего не видно. И слышать ничего не слышно, окромѣ какъ со страху въ уши ухаеетъ... Немного продохнулъ, слышу, правда нѣмцы. А я еще какъ изъ дому шель, плѣну душе смерти зарекался... Кто его знаетъ, какъ баранъ нашъ развязался, да черезъ кусты шваркъ, да шуму надѣлалъ. Со страху-то, словно громъ прошель... Ужь тутъ-ли тебѣ скотину жалѣть? Господи... Только какъ вскочилъ мой Семень, да за бараномъ, да за кусты, да сгинулъ... А нѣмцы за нимъ, да стрѣляютъ, да далече слышу гонять... А я драла въ другую сторону, сѣгъ, сѣгъ, на солдатъ нашихъ къ утру дорвался... А Семена такъ и нѣту... Горя сколько, семейство... Вотъ-те и баранъ...

— Эхъ, до чего плохо было. Какъ первая повозка дошла, слѣзъ Семень Иванычъ, бабѣ говорить: «собирайся, дѣтей собирай и вещи, что понужнѣе, выселяютъ васъ»... Баба о землю, голосить, сапоги цѣлуетъ. Народъ собрался, услышали; по селу словно громъ пошелъ, плачь такой. Сразу всѣ говорятъ и плачутъ всѣ. Кто головой бьется, кто волосы рветъ, а старуха одна телку вывела, за шею обняла, голосомъ воетъ, и собаки съ ей тоже душу рвутъ... Ну, стали потомъ силомъ сажать, не уговарить. Такъ босые всѣ, а дождь, да грязь, и холодно... До чего плохо было, самое трудное...

— Что объ этомъ говорить, развѣ нашего брата спрашиваютъ? Я дома учился, каждый день къ Николаю Иванычу ходилъ отдѣльно. Очень меня за способности любилъ, ко всему я былъ способный. Стихи услышу, учить не надо, помню. Задачи рѣшалъ въ умѣ. Починить часы, и то умѣлъ сразу. Все понималъ, и то понималъ, что на войнѣ не такіе теперь люди нужны... Вотъ и я въ пѣхотѣ, что песь на охотѣ. На сворѣ сижу, ничего не вижу...

— Какъ стемнѣло, мы и пошли. Они насъ подъ руки къ себѣ... Ну и живутъ, сукины дѣти... Чисто дворецъ царскій, а не окопы... Сейчасъ это намъ кофию, да рому. Калякаютъ, кто какъ умѣетъ, камадъ да камадъ... Офицеръ ихни бумажки раздавалъ, такъ вѣжливенько. Взяли, не грѣхъ, все больше неграмотные, такъ чего обижать... Попили, поѣли, про все погугорили, пора и честь знать, домой. Только засѣли, бѣжить отъ нихъ солдатикъ, благимъ матомъ вопить «ратуйте, ратуйте, смерть мени будѣ»... А это, одинъ землячекъ, какъ въ гостяхъ то былъ, до его винтовки больно привыкъ... Такъ заскучалъ, что съ собой ее взялъ... Ну, дали назадъ. Плакалъ, какъ спасибовалъ, а то разстрѣлъ. Черезъ полчаса, и мы по знакомцамъ-то огонь открыли... Дружба дружбой, а и служба службой...

— Теперь опять же начальство. Ну пушай, не безъ худа оно до тебя. А все польза отъ начальства немалая. Вотъ, онъ тебя, впередъ всего, приемамъ тамъ ружейнымъ, да грамотѣ, обучить. Оно вѣрно, что намъ безъ войны, на ружье насъ... А за то грамота послѣ войны первое дѣло будеть. А еще, кѣмъ мы обуты-одѣты, да сыты? Начальствомъ. А что на наши же, на кровныя, жремъ, такъ то не всякій разумѣетъ. Я вонъ первый не добралъ того толкомъ то. У насъ начальство отнять что двери съ петель снять. Не сдержимъ, да на непогодъ и выскочимъ. Такъ тише.

— Пить пей, а дѣло разумѣй... Я у Барановичей насмотрѣлся, какъ нѣмцы пьяны... Взялъ его ужъ такъ, черезъ силу, коло него не продохнешь, а молчитъ... Скорѣе помреть, а своихъ не выдасть... Крѣпкій народъ...

— Былъ портнымъ въ Могилевѣ. Семеро дѣтей. Какъ попалъ въ казармы, сразу засмѣяли, надъ моей наружностью издѣвались. Кромѣ «пархатый», я не слышалъ обращенія. Обѣщали мнѣ не посылать на передовыя позиціи, вы сами видите, что я не солдатъ, я очень слабъ. Теперь вѣроятно не выживу, хотъ мнѣ и обѣщаль докторъ. Но вѣдь еврею только и жить приходится, что обѣщаніями. Однимъ словомъ, я въ окопахъ больше френчи господамъ офицерамъ шилъ... И въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу атаковать со своимъ видомъ... Я шилъ господину ротному, приходитъ поручикъ и говоритъ: «мнѣ стыдно будетъ умереть въ рваной гимнастеркѣ, почини Мойша, пожалуйста». Это самый вѣжливый офицеръ. Я взялъ, не въ силахъ былъ отказать, такъ меня это «пожалуйста» растрогало, до слезъ.. Шью, и домъ вспомнилъ... Въ это время, на мое еврейское счастье, подходитъ

господинъ ротный. И меня сильно побилъ, и велѣлъ на брустверъ выставить на пять минутъ... Что я буду рассказывать, что я пережилъ? За это Георгія таки не даютъ...

— Думаю, объявить, аль нѣтъ?.. Хочетъ объявить, больно не по закону говорить. Не то что начальство хаеетъ, а просто до царя добирался. И хорошо объявить-то было бы, ротный трешпо дать долженъ; да и кто пониже, уважать бы стали. А кто юниже, тотъ до насъ поближе... А не объявилъ... Листковъ я не бралъ, противу присяги, зато слушалъ я, до грѣха... Гораздъ рассказывать былъ... И спроси, чего зажалѣлъ, сказать не могу, а не объявилъ вотъ...

— Онъ те околдууетъ... Больно готовъ нашъ братъ... Изобижены, унижены, хуже звѣря живемъ... Все ждемъ, кто научить, вотъ и слушаемъ... Эхъ, кабы они муки не принимали, больше-бъ имъ вѣрили, а то за нимъ не идешь, боишься... За то объявить,—ни Боже сохрани...

— Хорошо жилъ я не долго, больше плохо... А теперь въ люди попалъ, и нуженъ сталъ... Смѣюсь надо всѣмъ, и въ Бога вѣрить еще съ пастуховъ пересталъ... Сказалъ,—не вѣрю, разрази... Гроза была большая, не разразилъ... А жизнь я не очень чтобы любилъ, и папашеньку съ мамашенькой за нее не спасибовалъ... Какъ кобель съ сучкой, а ты что въ аду гори... А на войнѣ нужны стали: то братцы, то ребятушки... Чую, выпустить мнѣ Вильгельмъ кишки.

— А слышимъ, стонуть, просятъ чего-то, Грязовецкіе, спрашиваютъ. Мы говорить-то не можемъ, не велѣно, и ничего понять не можемъ. А лѣсъ кругомъ, не видно... Тутъ мѣсяцъ повывкатился, анъ это калѣки-раненые, кругомъ ползуть и пособить просятъ... На коня не возьмешь...

— Онъ ко мнѣ, и замѣсто, чтобы рану искать, давай по карманамъ шарить. Въ паморокахъ былъ, а тутъ что отлили, злоблюсь, кричать норовлю, а онъ за глотку... Какъ шарахну его, сукинъ ты сынъ, кричу, не санитаръ. Ты мнѣ рану вяжи, а кошель-то я и безъ тебя завязать сумѣю...

— Эхъ, вначалѣ, какъ погнали насъ семнадцатеро изъ деревни, ничего не понятно, а больше плохо.. Ухъ, и заскучали мы... На каждой станціи шумъ дѣлалъ, матерно барышень ругали, иѣли чточасно, а весело не было... А потомъ здорово учили насъ, ажъ я съ тѣла спалъ... И надругались, какъ надъ дурнями... А мы не очень-то дурни были, работающіе парни, одинъ въ одинъ хозяева... Я при отцѣ работалъ въ строгости, только и баловства моего было, что четыре мѣсяца на фабрикѣ фордыбачилъ... А тутъ кругомъ соблазнъ, и ни тебѣ свободы, ни тебѣ попененія... За то теперь попалъ я на позицію... Такъ я плакалъ, какъ сюда вѣхалъ, просто съ жизнью прощался... Маменька-то лѣтъ пятнадцать померши, а я все плачу, «мамашенька, мамашенька» причитаю...

— Эхъ, раять, ну больно, ну перенесъ, и живь... Ышь, пьешь въ свою мѣру, съ людьми говоришь, самъ человѣкъ... А вотъ за газы нѣмца много надо перебить... Нѣтъ хуже газовъ; корчитъ тебя, боленъ такъ, что и души ужъ нѣтъ... Радости никакой, ни на часочекъ. Чего хуже...

— Я ненавижу врага до того, что по ночамъ снится. Снится мнѣ, лежу будто, я на нѣмца, здоровый чортъ, и убить не дается. Я до штыка, онъ за руку. Я до глотки, онъ за другую. Не одужить, да и только. Я ему въ глаза пальцами лѣзу, глазъ продавилъ, да дырку къ мозгамъ ищу... Нашель, да давить... А самъ всей кровью радъ, ажъ зубы стучать...

— Чудно мнѣ здѣсь передъ сномъ бываетъ, какъ устану. Ровно не въ себѣ я. Ищу и ищу я слово какое ни на есть, нѣжное только. Ну тамъ цвѣтикъ, али зорюшка, либо что другое, поласковѣе. Сяду на шинель, да самъ себѣ разъ десять и протвержу то слово. Тутъ мнѣ, ровно кто приголубить, сдѣлается, и засну тогда...

— Я не могу сказать, что это страшно... Когда ранили, весь свѣтъ позабылъ, лежу, кричу, стыда нѣтъ... И не то что очень больно, а мысли такія, что ты па всемъ свѣтѣ одинъ теперь, и все значитъ можно... Лежу, кричу, а потомъ «мама» зову... Вотъ и все... Тутъ подобрали, рана легкая оказалась...

— У меня нога вся въ чирьяхъ, горитъ огнемъ, а онъ говорить: симулянтъ. Какой я симулянтъ,— смерти прошу... Гдѣ мнѣ окопы копать? портянка чистая, что гиря пудовая. А песокъ попадетъ, что въ пекло, муки такія...

— Спуску только не давать. Какъ этому выучишься, хорошаго много проживешь. Я теперь какъ куда попаду, ничего просить не согласенъ. Все приказываю или самъ беру... Вотъ я въ... попалъ, все забрано, дома загажены... Послѣ нашего брата грязно бываетъ. Взять нечего, кровати и тѣ порублены, земляки кашу варили. Такъ я себѣ бабу взялъ, толстую... Три дня за собой водилъ, тѣшилъ... И съ взводнымъ дѣлился, что табакъ, что баба... А тамъ побоялся, отпустилъ въ поле...

САМООПРЕДѢЛЕНИЕ РОССИИ И МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

Письма со стороны.

II.

Мысли, которыми я хочу подѣлиться сегодня съ читателями, явились у меня, когда я читалъ послѣднюю книжку Максима Горькаго. Въ этомъ сборникѣ статей популярный писатель съ достаточной откровенностью рассказываетъ о своемъ отношеніи къ русской культурѣ и къ еврейскому вопросу.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ мало искушенныхъ читателей, безпечныхъ по части литературы, которые, разочаровавшись въ публицистической прозорли-

вости Горькаго, продолжаютъ, однако, расшаркиваться передъ нимъ, какъ передъ «художникомъ слова». У каждаго свой вкусъ, разумѣется, но—смѣю думать—стилистическое безобразіе его рассказовъ и повѣстей, насыщенныхъ фальшивыми метафорами и эпитетами; его жалкія покушенія на ритмическія завоеванія въ такихъ произведеніяхъ, какъ пресловутая «Пѣсня о соколѣ»; его смѣшное и самодовольное резонерство: это все такія безспорныя для грамотнаго человѣка вещи, что любителямъ Максима Горькаго надо придумывать какое-либо иное оправданіе для своего вкуса: самой снисходительной эстетической критики писатель этотъ выдержать не можетъ.

Впрочемъ, то, что Максимъ Горькій плохой повѣствователь, не умаляетъ интереса къ его дѣятельности. Психологически онъ очень и очень любопытенъ, а нынѣшнее его положеніе, какъ редактора извѣстной газеты, весьма знаменательно. Вотъ почему я не только прочиталъ его книжку, но даже рѣшилъ написать по поводу нея мое очередное письмо.

Голосъ Максима Горькаго характеренъ и опредѣлительенъ въ хорѣ современныхъ хулителей русского народа и русской культуры, и, конечно, его книжка приобретаетъ извѣстное значеніе, особенно въ связи съ намѣченной мною темою.

Вопросъ объ отношеніи юдаизма къ русской культурѣ можно теперь разсматривать, не оглядываясь по сторонамъ и не боясь оказать косвенную услугу министру внутреннихъ дѣлъ нынѣ—слава Богу—несуществующаго царскаго правительства. Въ сущности, еврейскій вопросъ до сихъ поръ вовсе и не ставился. Былъ вопросъ общегосударственный и общеправовой. Съ разрѣшеніемъ его само собою падалъ и нелѣпый принципъ ограниченія евреевъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Это дѣло простое, ясное и безспорное.

Но сущность еврейскаго вопроса вовсе не юридической природы. Она требуетъ къ себѣ особаго вниманія, и потому не безразлично, какъ этотъ вопросъ освѣщается и трактуется теперь, когда мы уже говоримъ съ евреями и объ евреяхъ, считаясь съ ними, какъ съ полноправными гражданами.

Въ настоящей замѣткѣ я не намѣренъ разсматривать этотъ вопросъ всесторонне.

Постараюсь коснуться только одной его грани, какъ разъ той именно, которая въ наши дни красуется на виду у всѣхъ, но о которой по старой привычкѣ, создавшейся въ эпоху царизма, всѣ молчатъ, дожидаясь, очевидно, того часа, когда «камни возопіютъ». Не поздно ли будетъ? Вотъ почему, какъ ни слабъ мой голосъ, я рѣшаюсь его возвысить: авось, онъ найдетъ отзвукъ въ сердцахъ читателей.

Въ книжкѣ Максима Горькаго особенно подчеркнуты двѣ мысли. Одна мысль сводится къ тому, что русская культура, въ ея цѣломъ, а также въ лицѣ ея пророковъ—Льва Толстого и Достоевскаго—зсть культура мѣщанская, дурная и ничтожная. По понятіямъ Максима Горькаго, Левъ Толстой и Достоевскій занимались «проповѣдью терпѣнія», и отъ этой проповѣди ничего не получилось, кромѣ явнаго зла и ущерба для культуры. «Иной не можетъ быть литература мѣщанъ»,—поясняетъ Горькій. И далѣе, развивая ту же мысль, пишетъ: «Это—преступная работа, она задерживаетъ правильное развитіе процесса, который долженъ освободить людей изъ неволи заблужденій, она тѣмъ болѣе преступна, что совершается

изъ мотивовъ личнаго удобства. Мѣщанинъ любить имѣть удобную обстановку въ своей квартирѣ и въ душѣ. Когда въ душѣ его все разложено прилично—душа мѣщанина спокойна». Неправда ли, какъ эта характеристика мѣщанства отвѣчаетъ душевному складу Льва Толстого, Достоевскаго и всему духовному строю нашей родины? Это такъ же похоже на истину, какъ если бы какой-нибудь шутникъ во время грозы и бури сталъ бы увѣрять, что природа спитъ блаженно и что небесная лазурь располагаетъ къ идиллии.

Итакъ, по мнѣнію Максима Горькаго, русская культура плохая культура. И онъ заканчиваетъ свою статью о Толстомъ и Достоевскомъ нѣкоторымъ укоромъ мѣщанской глупости русскаго человѣка, противопоставляя ей «удивительно простую и ясную формулу индивидуальнаго и социальнаго поведения», которую онъ вычиталъ у «еврейскаго мудреца Гиллеля».

Но дѣло тутъ, разумѣется, не въ «древнемъ мудрецѣ Гиллелѣ», а въ пристрастіи Максима Горькаго къ еврейской культурѣ вообще, что и выясняется съ очевидностью въ другихъ статьяхъ того же сборника. «Намъ нужны сильные, трудоспособные люди,—пишетъ онъ не безъ увлеченія:—развѣ не силенъ духомъ древній народъ, который съ такимъ мужествомъ поднялъ на рамена свои тяжкое иго разсѣянна въ мирѣ и десятки вѣковъ несетъ иго это по землѣ, не уставая сѣять на ней идеи человѣколюбія, не уставая жаждать торжества свободы и красоты».

Если русскій народъ заслуживаетъ въ лучшемъ случаѣ жалости, зато прекрасенъ народъ еврейскій, который «далъ міру величайшихъ пророковъ правды и справедливости и который по сей день озаряетъ міръ людьми великаго таланта и ума».

Это пристрастіе Максима Горькаго къ еврейскому народу находится въ непосредственной связи съ его второю мыслью о преимуществахъ западной культуры. Примѣтивъ противорѣчія въ своихъ сужденіяхъ о «духѣ душахъ»—восточной и западной—Горькій спѣшитъ внести нѣкоторую поправку: «Семиты—то же люди Востока, но кто станетъ отрицать ихъ огромную роль въ дѣлѣ строительства европейской культуры, кто усомнится въ ихъ великой способности къ творчеству, въ ихъ любви къ дѣянію».

Однимъ словомъ, нѣтъ правила безъ исключенія, и это счастливое исключеніе—еврейскій народъ.

Не чувствуя исключительнаго пристрастія къ юдаизму, подобно Максиму Горькому, я въ то же время не склоненъ умалять добрыхъ качествъ еврейскаго народа или отрицать его своеобразную талантливость. Но сейчасъ идетъ рѣчь объ иномъ. Сейчасъ вовсе не ставится вопроса о хорошихъ свойствахъ безсмертнаго народа еврейскаго, а со всею безпощадною суровостью рѣшается вопросъ о самомъ бытіи нашей русской самостоятельной культуры. Вотъ почему представляетъ немалый интересъ то направленіе, которое духовно и матеріально поддерживаетъ еврейское влияние на эту нашу русскую «дурную» культуру. Умѣстно ли такое влияние въ эти страшные дни послѣдней борьбы за свободу Россіи? Повидимому, Максимъ Горькій и теоретически, и практически рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно: онъ полагаетъ, что изъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, «евреи—племя самое близкое намъ, ибо они вложили и влагаютъ въ дѣло благоустройства Руси наибольшее количество своего труда, они наиболѣе энергично служили и служатъ трудному и великому дѣлу европеизаціи нашей полу-

азиатской страны». Такъ Горькій высказывался еще до революціи.

О его дѣятельности во время революціи мы всѣ знаемъ. И—надо признаться—она не противорѣчитъ его представленію о полезномъ влияніи еврейства на русскую культуру.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, хороша или дурна еврейская культура, я все-таки позволю себѣ усомниться въ необходимости для блага Россіи такого влияния. Очень можетъ быть, что евреи для себя и сами по себѣ прекрасны, но едва ли они являются подходящими для насъ сотрудниками и союзниками въ дѣлѣ спасенія нашего національнаго достоинства и нашей самобытной культуры. Безспорно, евреи, какъ граждане, могутъ быть не менѣе полезны государственно, чѣмъ иные русскіе, но эта полезность ихъ опредѣляется не существомъ ихъ еврейскаго духа, а какъ разъ напротивъ, ихъ умѣниемъ приспособляться къ иной культурной и національной средѣ. Евреи полезны постольку, поскольку они добросовѣстно исполняютъ свои гражданскія обязанности и—слава Богу—лучше изъ евреевъ не претендуютъ на то влияние, о которомъ мечтаетъ Максимъ Горькій.

Будемъ откровенны и правдивы. Какъ бы ни уважали мы семитовъ, мы не можемъ признать ихъ мироотношеніе намъ близкимъ и, такъ сказать, духовно-созвучнымъ. О древнемъ еврействѣ говорить трудно, ибо народъ, забывшій свой исконный языкъ, никакъ не можетъ выражать сущность своей древней культуры; между современными евреями и древними пророками мало общаго. Значитъ, рѣчь можетъ итти о томъ племені, которое говоритъ на польско-нѣмецкомъ жаргонѣ и скитается по Европѣ и Америкѣ, обнаруживая духъ предприимчивости, немалыя способности и любовь къ тому вѣчному «интернационалу», который шумѣлъ когда-то на берегахъ Финикіи, въ Кароленѣ, въ древней Александріи, а нынѣ кричитъ и рекламируетъ себя на большихъ бульварахъ Парижа, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что этотъ своеобразный «интернационалъ» находитъ себѣ выраженіе не только на биржѣ, но и во всѣхъ сторонахъ культуры—въ философіи, въ искусствѣ, въ литературѣ, въ политикѣ. Все органическое, все, связанное съ живымъ чувствомъ живой земли, все христіанское чуждо евреямъ по существу. Образованный, умный, честный еврей, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ никогда и никакъ не пойметъ той правды, имя которой Земля. Еврейство опасно не столько грубымъ житейскимъ матеріализмомъ, сколько отвлеченнѣйшимъ своимъ спиритуализмомъ, который такъ сближаетъ его съ философствующей протестантской Германіей.

Само собою разумѣется, что вопросъ о внутренней связи юдаизма съ духомъ современной Германіи—вопросъ очень сложный, и въ малой замѣткѣ моей невозможно исчерпать эту тему. Но если эта связь не такъ ясна и для всѣхъ очевидна въ философскомъ и религиозномъ планѣ, она, во всякомъ случаѣ, безспорна въ планѣ психологическомъ. Недаромъ умнѣйшій еврей Карлъ Марксъ, несмотря на весь свой интернационализмъ, былъ тайнымъ, да и не всегда тайнымъ, идеологомъ пангерманскаго империализма.

Если Россія въ самомъ дѣлѣ «полуазиатская страна» и ея поэты и пророки въ самомъ дѣлѣ реакціонеры по существу, то не лучше ли обойтись безъ международныхъ посредниковъ и радостно принять въ свое

лоно профессора Оствальда и всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ культуръ-трегеровъ, которые научать насъ умудраму и займутся «европеизацией» бѣдныхъ дикарей, все еще размышляющихъ о Богѣ и исповѣдующихъ Христа Распятого?

Можетъ быть, не случайны эта исключительная симпатія Максима Горькаго къ еврейству и явная германофильская тенденція «Новой Жизни», которую онъ редактируетъ совместно съ господиномъ Гиммеромъ.

Одинъ изъ публицистовъ бросилъ въ лицо Максиму Горькому жестокое и страшное обвинение чуть ли не въ измѣнѣ и предательствѣ, сопоставивъ его имя съ грязными именами самыхъ низкихъ авантюристовъ и шпионовъ. Полагаю, что этотъ публицистъ имѣлъ въ виду лишь невольную духовную связь Максима Горькаго съ агентами Германіи, и самъ я не считаю возможнымъ сомнѣваться въ нравственной чистотѣ этого беллетриста. Охотно вѣрю, что безстыдная пораженческая проповѣдь, которая ведется на столбцахъ «Новой Жизни», поощряется Максимомъ Горькимъ по душевной его, такъ сказать, простотѣ. Но, какъ извѣстно, иная простота бываетъ хуже воровства. Такъ и съ Горькимъ. Его заботы объ «европеизации» Россіи не обрадуютъ ли императора Вильгельма болѣе, чѣмъ тѣхъ сѣдныхъ варваровъ, которые дорожатъ своей самобытностью и вѣрностью христіанству?

Впрочемъ, укорять Горькаго и уличать его въ неблаговидныхъ поступкахъ я вовсе не хочу. Я хочу только указать на естественную и внутренне понятную связь симпатій Горькаго съ его представлениями объ историческихъ задачахъ Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, что нибудь одно: или торжествующій Циммервальдъ, гражданинъ Гиммеръ и новые успѣхи Максима Горькаго у берлинскихъ бюргеровъ; или возрождение христіанской Россіи и вѣрность наша ея духовнымъ вождямъ—прежде всего великому пророку и мудрецу—Достоевскому, котораго такъ боятся и ненавидятъ мелкіе бѣсы...

Я не чувствую враждебности къ еврейскому народу, но я не могу не протестовать, когда дѣло спасенія Россіи ставятъ въ связь съ успѣхами юдаизма. Кто изъ насъ, не видя въ списокѣ представителей городского рабочаго класса и нашей мужцкой арміи почти ни одного русскаго имени, не испытывалъ чувства чело-вѣка, который поймалъ шулера, передернувшего на его глазахъ карту?

Такое положеніе терпимо быть не можетъ, и я увѣренъ, что съ этимъ согласятся не только мои русскіе читатели, но и тѣ евреи, которые, оставаясь вѣрными своей религіи и культурѣ, умѣютъ уважать другіе народы и признаютъ ихъ право на духовную самостоятельность и самобытность.

Борисъ Кремневъ.

КРИЗИСЪ КООПЕРАЦІИ.

Извѣстный французскій социологъ Габріэль Тардъ въ своей книгѣ: «Сравнительная преступность» писалъ: «Но революція тѣмъ и чужда цивилизации, что она есть борьба классовъ. Хотя иногда бываетъ полезно поупражняться въ военномъ искусствѣ и бываетъ полезна революционная политика, но война внутренняя или внѣшняя все же есть величайшій врагъ цивилизации». Онъ же двумя страницами дальше еще болѣе категорически заявляетъ: «Нѣтъ ничего болѣе деморализующаго, какъ война и революція,

потому что онѣ возбуждаютъ страсти и все приводятъ въ безпорядокъ. Цивилизація, напротивъ, успокаиваетъ и упрочиваетъ порядокъ».

То, что Тардъ говоритъ о революціи и войнѣ вообще, можно съ нѣкоторыми оговорками отнести и къ нашей революціи и войнѣ. Насколько безкровно и блестяще было начало нашей революціи, настолько то, что происходитъ теперь почти во всѣхъ сферахъ русской жизни, вопіетъ о томъ, что кромѣ внѣшней революціи, безъ которой иногда, пожалуй, не обойдется, необходима еще внутренняя культура, сотрудничество классовъ и отрѣшеніе отъ близорукаго эгоизма.

По свидѣтельству почти всѣхъ знатоковъ кооперации, кооперативное движеніе во всѣхъ его формахъ постепенно вырабатываетъ въ населеніи именно тѣ качества, которыя нужны для мирнаго сожителства, рациональнаго хозяйничанія и честныхъ отношеній. Слѣдовательно задержка роста кооперации или ея разложеніе несомнѣнно грозитъ не только хозяйству, но и культурѣ страны.

Какъ разъ теперь въ Россіи, къ сожалѣнію, кооперации угрожаетъ многое, притомъ болѣе неожиданное, чѣмъ произволъ стараго режима, временами дѣлавшаго изъ кооперации мученицу и невольно придававшего ей ореолъ святой.

Теперь кооперация свободна, но зато всякій индивидуумъ, всякая группа или партія можетъ продѣлывать надъ ней всевозможные эксперименты въ ущербъ дѣлу.

Въ чемъ же заключаются эти опасные эксперименты, кто новые враги кооперации и дѣйствительно ли кооперация переживаетъ теперь въ революціонной Россіи страшный кризисъ?

Отвѣтимъ сперва на послѣдній вопросъ и притомъ не своими словами пристрастнаго и крайне боящагося за судьбу кооперации чело-вѣка, а цитатами изъ органа социалистовъ-революціонеровъ: «Дѣло Народа».

Въ объективной статьѣ, помѣщенной еще 16 июня въ этомъ органѣ Л. Закомъ и озаглавленной имъ: «Кооперация и революція» онъ констатируетъ слѣдующее: «Еще недавно кооперация кипѣла жизнью. Учреждались новые кооперативы, расширялась и углублялась дѣятельность старыхъ, создавались союзныя объединенія, шла упорная борьба съ администраціей за элементарное право на существованіе. Теперь кооперация находится въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Полученная ею свобода творчества и самоопредѣленія не только не вызвала подъема и энтузіазма, но привела какъ будто къ упадку настроенія. Закрывается одно потребительное общество за другимъ, новаго строительства не замѣтно, операции существующихъ кооперативовъ сокращаются, съѣзды малолюдны, кооперативная печать молчитъ».

Л. Закъ правильно объясняетъ это явленіе тѣмъ, что многіе кооперативные работники ушли въ политическую партійную работу, но онъ не приводитъ всѣхъ причинъ кризиса въ кооперации. По нашему, еще больше, чѣмъ уходъ кооператоровъ въ политику, вредно повліяло на развитіе кооперации внесеніе въ нее классовой борьбы и политики.

Говоря «политики» мы не имѣемъ въ виду кооперативной политики. Вѣдь послѣдній англійскій кооперативный съѣздъ для проведенія ея въ парламентѣ рѣшилъ даже на нѣсколько рискованную мѣру, а именно на выставленіе собственныхъ кандидатовъ

на выборах, конечно независимо даже от рабочих и социалистических партий. Мы имеем в виду обыкновенную политику, хотя бы и «безпартийную», которой, вопреки протестам А. Ф. Воюцкого, А. А. Евдокимова, В. П. Махновца и моимъ, чуть ли не предтисалъ заниматься всероссийскій съездъ кооперативныхъ инструкторовъ въ Москвѣ. Въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ имъ, конкурируя съ политическими дѣятелями, придется толковать о томъ, что такое учредительное собраніе, какъ организовать выборы и т. д. Однимъ словомъ, они непрошенно помогаютъ и должны помогать лѣвымъ политическимъ партиямъ, не причисляя къ онимъ кадетовъ, хотя среди кооперативовъ имѣются не только кадеты, но и правые.

На другую опасность, въ статьѣ: «Берегите кооперативныя организаци» указываетъ «еженедѣльный политическій и кооперативный» журналъ «Трудовой крестьянинъ», издающійся въ Ставрополѣ и превращающійся изъ чисто кооперативнаго въ политическій. Въ № 16 этого органа мы читаемъ: «Волна революціоннаго движенія не только смела царскую власть въ Россіи, но и коснулась всѣхъ областей жизни русскаго народа. Общественныя организаци тоже оказались охваченными этимъ движеніемъ и стараются перестраиваться на новыхъ началахъ. Въ настоящее время такая перестройка идетъ повсемѣстно, гдѣ только чувствуется потребность въ обновленіи организаци».

Ею не остаются необновленными и кооперативы, какъ сельскіе такъ и городскіе всѣхъ видовъ.

Такое обновленіе можно было бы только привѣтствовать, если бы оно совершилось отъ худшаго къ лучшему, т. е. если бы изъ кооперативной жизни изгонялись тѣ вредныя лица и порядки, которые такъ или иначе нашли себѣ мѣсто въ кооперативахъ при старомъ строѣ, но къ сожалѣнію обновленіе кооперативовъ происходитъ не безъ участія темныхъ силъ и принимаетъ угрожающій характеръ, «такъ какъ совершается въ большинствѣ случаевъ не для улучшенія кооперативнаго движенія, а скорѣе съ цѣлью разстроить дѣятельность кооперативовъ, какъ враждебную капиталистамъ, купцамъ, кулакамъ и т. п. элементамъ. Прикрываясь ложнымъ желаніемъ будто бы придти на помощь кооперации, эти темныя элементы городовъ и деревень ведутъ усиленную агитацію противъ кооперативныхъ работниковъ, сѣютъ вражду между участниками кооперативовъ противъ ихъ руководителей и органовъ управленія, стремятся къ сверженію старыхъ членовъ правленія, къ захвату управленія кооперативами въ свои руки и вообще всѣми мѣрами стараются парализовать кооперативное движеніе. Въ результатъ такой дѣятельности темныхъ силъ получается то, что во многихъ мѣстахъ Россіи кооперативамъ, этимъ ячейкамъ общественности, грозитъ полный развалъ, такъ какъ старые ихъ идейные руководители подъ вліяніемъ агитаціи устраняются».

Въ качествѣ поясненія къ словамъ «Трудового Крестьянина» прибавимъ, что не только на мѣстахъ подъ вліяніемъ агитаціи темныхъ силъ «старые идейные руководители устраняются», но и въ центрахъ, особенно въ Москвѣ, уже не темныя, а свѣтлыя силы вытѣснили изъ всѣхъ руководящихъ центральныхъ органовъ старыхъ кооператоровъ, Н. В. Левицкаго, А. А. Евдокимова, Н. П. Гибнера, В. П. Махновца и нѣкоторыхъ другихъ чистыхъ кооператоровъ, мѣста

коихъ заняты главнымъ образомъ кооператорами-политиками.

Такое вытѣсненіе, а временами даже молчаливый бойкотъ искреннихъ кооператоровъ, не могло не отразиться тяжело на кооперативномъ движеніи. Классовое и политическое дѣленіе, никѣмъ не задерживаемое, стало угрожать даже союзу потребительныхъ обществъ въ Москвѣ, изъ котораго начала выдѣляться рабочая кооперация, хотя органы союза все время потрафляли именно рабочей кооперации.

Рабочія потребительныя общества создали въ августѣ въ Петроградѣ съездъ, не смотря на протестъ нѣкоторыхъ искреннихъ кооператоровъ. Такъ, органъ извѣстнаго теоретика и практика кооперативнаго движенія избраннаго нынѣ Ростовскимъ городскимъ головой отъ партіи социалистовъ-революционеровъ, А. А. Николаева, «Новый Путь» (№ 7—8), въ статьѣ по поводу предполагаемаго съезда рабочей кооперации писалъ:

«Можемъ ли мы утверждать, что въ настоящее время линия расхожденія городской (рабочей) и сельской кооперации уже достаточно рѣзко опредѣлилась, и оба типа потребительской кооперации точекъ соприкосновенія имѣютъ очень немногъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. Если такая линия и мыслима теоретически, то практически ее лишь съ большимъ трудомъ можно уловить, и то лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Представляется еще очень большимъ вопросомъ, слѣдуетъ ли линію эту намѣренно углублять и расширять, въ особенности въ данный моментъ, когда передъ потребительской кооперацией въ цѣломъ стоитъ колоссальной важности вопросъ обще-государственнаго значенія: борьба съ продовольственной разрухой и распредѣленіе ограниченнаго количества продуктовъ потребленія среди наиболѣе нуждающихся слоевъ населенія, независимо отъ ихъ классовой принадлежности. Приходится установить, что это основное заданіе текущаго момента, отъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго въ значительной мѣрѣ зависятъ и судьбы русской революціи,—объединяетъ различныя виды кооперации, сглаживаетъ углы расхожденія, ибо заставляеть всю кооперацию въ цѣломъ дѣйствовать по единому плану во всероссийскомъ масштабѣ. Намъ кажется, что выдѣленіе именно рабочей кооперации и именно въ данный моментъ острыхъ продовольственныхъ затрудненій и крайне обострившихся вообще взаимоотношеній между различными классами, слоями и группами населенія—такое выдѣленіе, не вызываемое пока естественной жизненной надобностью—положить начало и создать только новыя тренія и новыя углы».

Несмотря на это и другія предупрежденія, съездъ рабочей кооперации состоялся. Мало помогли на съездѣ убѣжденія В. Н. Зельгейма и Е. О. Ленской, которыхъ никто не можетъ упрекнуть въ антипатіи къ рабочей кооперации, скорѣе наоборотъ. «Съездъ—какъ выражается ежедневная харьковская социалистическая газета «Трудъ и Воля» отъ 10 августа, издающаяся, къ сожалѣнію, на деньги кооперативныхъ союзовъ,—пошелъ по пути, предложенному Хейсинымъ. Съездъ призналъ необходимымъ созданіе самостоятельнаго центра, но центра идейнаго. Въ хозяйственномъ же отношеніи рабочіе кооперативы должны по прежнему объединяться въ Московскомъ Союзѣ потребительныхъ обществъ».

Итакъ, всѣ старанія органа Московскаго Союза «Объединеніе» потрафлять рабочимъ кооперативамъ, которые, кстаті сказать, въ Россіи, какъ странѣ крестьянской, не представляютъ внушительной силы, пропали даромъ. Ясно, что лица, выдѣлившія теперь рабочую кооперацію, стремятся сдѣлать изъ нея жирный придатокъ социаль-демократической партіи. Увы, русскіе мало чему научились у Запада или, вѣрнѣе, научились хорошо повторять его ошибки. Созданное, между прочимъ, и нашими усиліями единое кооперативное движеніе они раскалываютъ, а потомъ, вѣроятію, сами же будутъ принуждены опять его объединять, какъ это пришлось дѣлать французскимъ социалистамъ.

Если чисто русская кооперація теперь распадается, то по національностямъ дѣлится кооперація и Богъ велѣлъ. Русскіе сами показали дурной примѣръ, какъ бы подтвердивъ, что низшіе организмы множатся посредствомъ дѣленія, а не соединенія.

Далѣе, кооперація угрожаетъ еще другая опасность. Въ настоящее время почти повсюду со стороны кооперативныхъ органовъ слышатся жалобы на продовольственные комитеты и управы.

Продовольственные комитеты и управы мѣстами опасны для коопераціи въ томъ отношеніи, что выступаютъ въ качествѣ ихъ конкурентовъ. Вслѣдствіе этого въ деревняхъ сокращаются посредническія операціи кредитныхъ кооперативовъ, а въ городахъ уже налаженный и дешевый продовольственный аппаратъ потребительныхъ обществъ долженъ сокращаться подъ давленіемъ бюрократическихъ и дорого стоящихъ продовольственныхъ комитетовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1916 году къ Анапскому обществу потребителей, Кубанской области, «фактически перешла операція, не только по продажѣ сахара, но и по выкупу его цѣльными вагонами, и финансированіе этой операціи, и въ рукахъ городской управы осталась только выдача карточекъ на сахаръ, т.-е. общество потребителей въ снабженіи населенія сахаромъ заняло мѣсто городского самоуправления».

Это было въ 1916 году, а въ августѣ текущаго года предсѣдатель правленія общества уже жаловался мнѣ на продовольственный комитетъ, враждебно относящійся къ потребительному обществу и подрывающій его матеріальное благосостояніе.

И вотъ этимъ то, по правильному выраженію передовика «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 19 августа, «не совершеннымъ организаціямъ поручается и общее руководство надъ всѣми видами коопераціи». Пояснимъ, что поручается не только въ деклараціи, оглашенной на государственномъ совѣщаніи въ Москвѣ Н. С. Чхеидзе, но и правительствомъ вообще.

Притѣсненіе коопераціи продовольственными комитетами обезпечило и главный органъ русской потребительской коопераціи. «Союзъ Потребителей» отъ 10 мая, убѣждая не слушаться тѣхъ, кто говоритъ, что всюду открываются продовольственные комитеты и потому потребительныя общества не нужны, продолжаетъ:

«Только на самыя темныя народныя массы могли рассчитывать такіе выпады, только людей, или совершенно ничего не слышавшихъ о коопераціи или слышавшихъ о ней только разныя нелѣпости, могли они сбивать съ толку.

Только самымъ темнымъ людямъ можно было говорить, что продовольственные комитеты, задачи

которыхъ совершенно иныя, чѣмъ задачи потребительныхъ кооперативовъ, могутъ замѣнить эти кооперативы».

Въ томъ же «Союзѣ Потребителей», но уже отъ Завгуста, прямо констатируется, что «нерѣдко приходится наблюдать, что продовольственные комитеты, не используя готоваго, уже налаженнаго технического аппарата кооперативовъ, сами создаютъ такой аппаратъ: они обзаводятся складами, приглашаютъ персоналъ, берутъ на себя раздачу и сборъ продуктовъ среди населенія».

Чѣмъ же объясняется то печальное обстоятельство, что продовольственные комитеты не использовали уже налаженнаго технического аппарата кооперативовъ? А тѣмъ, главнымъ образомъ, что наши социалисты еще не оцѣнили самодовлѣющей цѣнности коопераціи. На съѣздѣ инструкторовъ-кооператоровъ въ Москвѣ министръ земледѣлія В. М. Черновъ выразилъ увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ въ Россіи кооперативное начало уступитъ болѣе высокому, по его мнѣнію, началу «публично-правовому». Это значитъ, что министръ надѣется замѣнить кооперацію государствомъ или муниципалитетами.

Изъ этой цитаты мы видимъ не только то, что даже В. М. Черновъ почти такъ же мало, какъ и марксисты, цѣнятъ кооперацію и отводитъ ей подчиненное мѣсто, но еще и то, что идеологія социалистовъ-политиковъ, социалистовъ-государственниковъ и социалистовъ, символомъ вѣры которыхъ является классовая борьба, неумѣстна въ кооперативномъ движеніи.

Кооперація не мѣшаетъ и не борется съ социалистическими партіями, такъ же, какъ по словамъ социалиста-революціонера А. М. Беркенгейма, сказаннымъ на московскомъ совѣщаніи, она не борется съ частной торговлей. Слѣдовательно кооперація имѣетъ право обратиться къ нимъ съ той же просьбой, съ какой она обращалась къ старому режиму, съ просьбой оставить ее въ покоѣ и не эксплуатировать ее въ своихъ цѣляхъ.

Только что окончившійся всероссійскій кооперативный съѣздъ, какъ и первый при новомъ строѣ, былъ кооперативнымъ только по имени. В. Г. Чертковъ, относящійся къ коопераціи съ такой же любовью, какъ и его великій учитель Л. Н. Толстой, правильно спросилъ, куда онъ попалъ, на политическій ли съѣздъ или кооперативный. Онъ же выразилъ удивленіе, что на съѣздѣ много говорится объ опасностяхъ для революціи, о политической разрухѣ, но ничего не говорится о кооперативной разрухѣ и объ углубленіи коопераціи. Трепещутъ также отъ паденія курса рубля, но никого, повидимому, не тревожитъ пониженіе людской морали.

На послѣднемъ съѣздѣ дѣйствительно ни слова не было сказано о томъ кризисѣ, о той разрухѣ, которую переживаетъ теперь провинціальная кооперація. А между тѣмъ въ частности на кризисъ кредитной коопераціи указываетъ Д. Илимскій въ послѣднемъ № «Извѣстій Народнаго Банка».

Итакъ, кооперація стала ареной для политическихъ честолюбцевъ различныхъ партій.

Если дѣло обстоитъ съ коопераціей такъ, то, пожалуй, менѣе рискованно образовать самостоятельную кооперативную партію, не идущую на буксирѣ у чужихъ.

Проф. В. Тотоміанцъ.

ПИСЬМА СЪ ФРОНТА.

I.

Здравствуй, дорогая сестрица, Авдотья Никитична, и супругъ Вашъ, Тимофей Никитичъ, и дѣтки вообще, Поля и Леня. Шлю Вамъ свой сердечный братскій привѣтъ, желаю отъ Господа Бога добраго здравя и благополучія въ вашей семьѣ. Увѣдомляю Васъ сестрица въ томъ что въ настоящее время нахожусь по милости Всевышняго Создателя живъ и здоровъ, чего и Вамъ желаю отъ Бога. Въ настоящее время несущу службу въ боевой наступательной операциі т.-е. усиленная развѣдка противника, какой составъ его силъ и укрѣпленія, потому что онъ продвинулся отъ зимнихъ окоповъ болѣе 70 верстъ въ глубь нашего района, почти забралъ всю Галицію, потому что онъ воспользовался нашимъ разложеніемъ въ армии. Наши н-скіе два полка умышленно бросили свой участокъ безъ боя и отошли въ безпорядкѣ—кто куда знаетъ. За это время неприятель не дремалъ и поперъ, какъ слѣдуетъ, нашу армию безъ всякаго боя, нагналъ страшную панику, всѣ бѣгутъ не зная куда. Значитъ по тревогѣ потребовали болѣе кавалерійскія части, благодаря этому могло остановить этотъ безпорядокъ. Противникъ остановился, пѣхота мало по малу приходитъ въ сознательный рѣшительный порядокъ. Сколько потерпѣла эта страна убытка не могу описать, да и намъ воинамъ много было дѣла, много преждевременно пострадали изъ-за нихъ, измѣнниковъ и предателей. Не скажу худо, если бы это было принято въ боевомъ столкновении съ противникомъ, а то вѣдь безъ боя. Какъ говорятъ, многіе даже пошли съ музыкой отъ радости, бросая свой участокъ безъ всякой охраны. На дняхъ былъ въ наступлении. Когда мы сѣли въ окопы, какъ началъ сыпать по насъ снарядами, на моемъ участкѣ изъ тяжелыхъ орудій забросало насъ землей и семь человекъ ранило, одного офицера, черезъ сутки померъ, но я остался живъ и здоровъ. Отъ ранъ некогда было и пугаться, такъ стрѣлялъ по насъ, но послѣ былъ очень смущенъ, было страшно и радостно вмѣстѣ съ тѣмъ, что Господь сохранилъ мою жизнь отъ этой преждевременной смерти. Нынче живъ и завтра, что Богъ дастъ, потому что вся страсть у насъ на носу: впереди насъ нѣтъ преградъ и чугуинной стѣны, все открыто. Божія милость наша жизнь, Матерь Божія, сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ.

22 юля 1917 г.

II.

Первымъ долгомъ желаю Вамъ счастья и здоровья. Еще сообщаю Вамъ о своемъ здоровьѣ, что я до настоящаго времени живъ и здоровъ Слава Богу. Новости у насъ Вамъ навѣрно извѣстны изъ газетъ, но все-таки я могу Вамъ сообщить, когда я уѣхалъ изъ Петрограда, на фронтъ прибылъ 22 мая, дѣло мое шло очень успѣшно, дивизія наша пошла охотой на позицію, а меня начальникъ дивизіи отпустилъ въ отпускъ. Дома я тоже имѣлъ работу по организациі въ волости. Дѣло шло отлично. 18-го июня, послѣ моего отпуска, прибылъ въ полкъ и какъ разъ попалъ въ наступленіе, насъ потребовали въ н-скій армейскій корпусъ, который наступалъ противъ К. Артиллерія работала выше похвалы и кавалерія, но пѣхота три полка шли—опять очень плохо, но все-таки мы ихъ поддерживали, потомъ взято много орудій, снарядовъ

и плѣнныхъ. Успѣхъ развился такъ, что противникъ упорно держался, но все-таки мы его сбили. Потери у насъ незначительныя. Потомъ получилась печальная картина: 9-го юля, думаю что такъ, нашъ полкъ сдѣлалъ въ окопахъ западню, послалъ насъ смѣнить пѣхоту, когда мы подошли къ штабу пѣхотной дивизіи, тамъ узнали, что наши отступаютъ по всему нашему фронту; спросишь, почему идетъ отступление, никто не знаетъ. Потомъ выяснилось, что предатели и измѣнники своему долгу и родинѣ н-ской дивизіи противъ города Станиславова самовольно бросили позицію и пошли кто въ плѣнъ, а кто въ тылъ. Тогда Австро-Германцы поняли задачу своихъ агентовъ, а нашихъ предателей, большевиковъ и ленинцевъ, повели энергичное наступленіе. Наши ударныя части, истекая кровью и отстаивая свою грудь, не могли выдержать этого напора, тогда было дано приказаніе сформировать сводный кавалерійскій корпусъ подъ командой генерала В. Прикрывая отходъ нашей пѣхоты, это геройское войско боролось за родную землю и волю, за добытую нами свободу, тѣмъ спасли отходъ нашей пѣхоты, которая могла бы быть отрѣзанной каждый часъ. Мы работали восемь сутокъ, лошади ни разу не разсѣдывались, а нотомъ еще четверо сутокъ. Лошади ужасно спали тѣломъ, много разбитыхъ, потертыхъ, но зато доказали неприятелю, какъ работаютъ кавалерія и казаки, въ особенности въ этихъ бояхъ въ нашей дивизіи отличался нашъ полкъ и н-скій казачій полкъ. Получили телеграмму отъ Временнаго Правительства и отъ Верховнаго Главнокомандующаго—благодарность и потребовали списки въ Петроградъ на всѣхъ драгунъ и казаковъ. Говорятъ, будто-бы дивизія получить название другое, какъ за отличие.

8 августа 1917 г.

РАЗГРУЗКА ИЛИ ИЗМѢНЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ?

III.

Несостоятельность существующей политики продовольственнаго дѣла—налицо. Мнѣ скажутъ: легко критиковать, но какъ выполнить на дѣлѣ? Беру смѣлость заявить, что я на практикѣ въ теченіе звенья 17² лѣтъ во время войны проводилъ (подъ непосредственнымъ руководствомъ и въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ проф. П. И. Новгородцевымъ) политику, основанную на совершенно иныхъ началахъ. Въ качествѣ помощника московскаго уполномоченнаго по топливу, я съ осени 1915 г. по апрѣль 1917 г. вѣдалъ дѣло снабженія Москвы *древеснымъ* топливомъ. Въ своей статьѣ, помѣщенной 22 сентября 1915 г. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ совѣщаніи гласныхъ московской думы въ томъ же году, въ своихъ официальныхъ запискахъ, наконецъ, въ своей рѣчи въ качествѣ представителя съѣзда представителей уполномоченныхъ по топливу юга Россіи (см. «Изв. Особ. Сов. по топливу» № 2) я всегда отстаивалъ нижеслѣдующіе основные принципы современной политики снабженія продуктами массоваго потребленія, къ каковымъ принадлежатъ и дрова. Прежде всего необходимо отказаться отъ установленія таксъ и всякихъ твердыхъ цѣнъ. Онѣ неизбѣжно должны приводить къ сокращенію

предложения продукта на рынок. Против же возможного в этом случае повышения цены существует только одно радикальное средство: собственная закупка, собственная заготовка и собственная продажа населению. Так мы и поступали. Количество закупленного нами и заготовленного по нашим заказам древесного топлива составило миллионы рублей, а количество отпускаемого нами в одной только Москве (т.-е. не считая больших уступок из наших запасов желѣзным дорогам, городским властям, военному ведомству, и многим учреждениям в предѣлах тѣх 10 губерній, на которыя распространялась власть московскаго уполномоченнаго) нормально доходило до 100—150 вагоновъ в день, т.-е. свыше четырехъ верстѣ (2000 сажень) дровъ в день. Послѣ отчаянныхъ хлопотъ проф. Новгородцева мы добились права преимущественной перевозки дровъ на нашъ адресъ. Въ результатѣ мы приобрѣли массу частныхъ поставщиковъ по умѣренной цѣнѣ, которые предложили намъ свои запасы, ибо иначе они не могли получить вагоновъ: десятки тысячъ сажень перешли въ наши руки по цѣнамъ на 30—50% ниже рыночныхъ. Споры нѣтъ, въ нашей собственно закупочной операци были и дефекты технического характера, но это объясняется спѣшностью, съ какою было организовано огромное дѣло, и трудностью въ короткій срокъ найти большой штатъ служащихъ. Но во всякомъ случаѣ, осенью 1915 г., когда вступилъ въ управление проф. Новгородцевъ, ни на одномъ московскомъ дровяномъ складѣ не было ни полѣна (какъ результатъ таксы, отмѣну которой мы провели немедленно), но нашей политикой мы сразу добились громаднаго притока въ Москву дровъ (несмотря на крайнія затрудненія въ желѣзнодорожномъ транспортѣ), а рыночныя цѣны на дрова 30 ноября 1915 г. были приблизительно на 20 руб. на вагонъ выше, чѣмъ цѣны 7 марта 1916 г., т.-е. упали—фактъ, безпримѣрный въ исторіи цѣнъ на продукты массоваго потребления за время войны. Мы создали собственный обозъ до 500 лошадей для развозки дровъ по гор. Москвѣ. Всѣ казенныя и общественныя учрежденія и многіе кооперативы снабжались до послѣдняго полѣна изъ нашихъ запасовъ, въ томъ числѣ всѣ воинскія части съ колоссальнымъ потреблѣніемъ. Дровяная операція московскаго уполномоченнаго дала казнѣ значительную прибыль, несмотря на то, что пришлось произвести много единовременныхъ затратъ на организацію нашей дровяной торговли, носившей образецъ самаго крупнаго предприятия этого рода не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ. И пока основныя начала нашей политики будутъ сохраняться въ неприкосновенномъ видѣ, притокъ дровъ въ Москву въ надлежащемъ количествѣ будетъ обезпеченъ. Будутъ, правда, мерзнуть дома съ центральнымъ отопленіемъ, но это будетъ зависть отъ недостатка нефти и угля,—недостатка, въ коемъ наибольшую долю вины несетъ правительство, сильно давившее на цѣны на нефть и уголь.

Далѣе мы твердо отстаивали принципъ воспрещенія какихъ бы то ни было реквизицій древеснаго топлива и рѣшительно боролись противъ безконечно вредныхъ запрещеній вывоза изъ однихъ районовъ въ другіе въ предѣлахъ 10 подчиненныхъ намъ губерній. Вслѣдствіе этого частная инициатива проявила громадную предприимчивость, и рубка лѣса на дрова достигла широкаго развитія

Цѣны на дрова въ Москвѣ за это время, конечно,

сильно возросли, но меньше, чѣмъ въ большинствѣ другихъ мѣстностей. А если это повышение перевести на фунты стерлинговъ, то реальное увеличеніе цѣнъ совсѣмъ не такъ велико, особенно по сравненію со многими другими продуктами, производство коихъ даже менѣе сложно. Большая доля вины падаетъ въ этомъ отношеніи на управленія желѣзныхъ дорогъ, которыя, несмотря на неоднократныя указанія московскаго уполномоченнаго, упорно отказывались производить хлопотливыя и дорого стоящія работы по рубкѣ лѣса и отнимавшія вслѣдствіе этого у городскаго населенія послѣдніе запасы угля и нефти. Но ростъ цѣнъ на дрова, сознательно не пресѣченный нашей политикой въ корнѣ, содѣйствовалъ громадному развитію рубки, т.-е. въ конечномъ счетѣ къ пониженію стоимости. Ростъ этихъ цѣнъ умѣрялся нами тамъ, гдѣ это было необходимо въ интересахъ бѣднѣйшаго населенія. Поэтому по моему проекту были созданы площадные склады дровъ съ попудной продажей по цѣнамъ, на много ниже рыночныхъ, и отсюда получали дрова безъ длинныхъ хвостовъ (въ виду назначенія заранѣе особыхъ очередей) нѣсколько тысячъ семействъ бѣднѣйшаго населенія Москвы и пригородовъ. Затѣмъ, на льготныхъ началахъ получали отъ насъ кооперативы, и многія тысячи рабочихъ семействъ этимъ путемъ снабжались дровами. Дешевыя относительно дрова получали отъ насъ всѣ казенныя и общественныя учрежденія. Болѣе зажиточное населеніе переплачивало. Однако, безъ нашей организаціи оно платило бы еще больше, а бѣднота страдала бы въ безконечно большей степени, и въ этомъ отношеніи не помогли бы никакія таксы и никакія карточки, безъ которыхъ, слава Богу, удалось обойтись въ отношеніи дровъ.

IV.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ вкратцѣ представленныхъ выше общихъ соображеній объ основныхъ принципахъ реально поставленной политики снабженія населенія продуктами массоваго потребления? Нужно имѣть мужество отказаться отъ системы твердыхъ цѣнъ на продовольственные продукты. Цѣна неизбѣжно повысится и конечно особенно сильно потому, что мы все время медлимъ, да и ведемъ изъ рукъ вонъ плохую финансовую политику (печатаніе бумажекъ). Но спросите любого горожанина, что предпочтетъ онъ: страшное стояніе въ очередяхъ, голодный паекъ и перспектива высылки для безмысленной «разгрузки» или даже удвоенныя и утроенныя цѣны на хлѣбъ? Конечно, послѣднее. Допустимъ, что въ результатѣ подобной мѣры цѣна фунта хлѣба возрастетъ на 20 коп., то при увеличеніи нынѣшней нормы до 1 фунта въ день переплата составитъ около шести рублей въ мѣсяцъ на человѣка (много дешевле любой разгрузки!), а между тѣмъ такая рыночная цѣна обезпечитъ сразу несомнѣнный притокъ предложения хлѣба. При этомъ необходимо для бѣднѣйшаго населенія устроить специальныя карточки съ удешевленнымъ отпускомъ изъ городскихъ пекаренъ, а для болѣе богатыхъ жителей, быть можетъ, установленіе особой минимальной платы за карточки (ср. мое предложеніе въ брошюрѣ «Финансовая реформа въ Россіи» вып. III, стр. 82, изд. О-ва Чупрова) на покрытие расходовъ по закупкѣ хлѣба и по льготному продовольствію малоимущаго населенія. У насъ необычайно боятся того, что новыя высокія цѣны волюють

опять громадные суммы денег в карманы крестьянства, которое вследствие того ужь совсѣмъ не желаетъ продавать хлѣба. Однако, накопленные за время войны суммы уже и безъ того столь велики, что при сознательномъ и прямомъ сопротивленіи вообще трудно что-либо подѣлать. Между тѣмъ въ сознании сельскаго населенія коренится вовсе не желаніе причинить вредъ государству и всякими способами создать ему затрудненія—пораженцевъ въ деревнѣ нѣтъ,—сколько представленіе о явной несправедливости существующихъ «твердыхъ цѣнъ», именно, такихъ цѣнъ, которыя не подлежатъ спору и по которымъ безъ всякихъ разговоровъ грозятъ отобрать все дочиства, кромѣ голоднаго запаса. Въ высокой степени вредны были легкомысленные посулы дать крестьянству, взамѣнъ хлѣба, мануфактуру, обувь, желѣзо и т. д. по низкимъ же («твердымъ») цѣнамъ, такъ какъ для всякаго мало-мальски посвященнаго это, при современномъ состояніи промышленности и существующихъ потребностяхъ армии,—просто неосуществимо. Сельское населеніе справедливо считаетъ себя обманутымъ и съ своей стороны не можетъ понять не считающуюся ни съ какими бытовыми представленіями систему «твердыхъ» хлѣбныхъ цѣнъ и совершенно необычайный порядокъ новыхъ казенныхъ закупокъ. Когда въ текущемъ году крестьянинъ продавалъ хлѣбъ въ монополию, то онъ сплошь и рядомъ смотрѣлъ на это, какъ на патриотическую жертву или же какъ на неизбежное зло, наподобіе бывшихъ безапелляционныхъ реквизицій. На такой психологической основѣ широко поставить продовольственные закупки невозможно; дискредитирована самая идея твердыхъ цѣнъ, и никакое чисто механическое повышеніе ихъ дѣлу не поможетъ, и эту систему надо вообще отбросить; недаромъ во многихъ урожайныхъ мѣстахъ крестьяне просто оставили копны хлѣба необрабанными въ полѣ: это, молъ, казенный хлѣбъ, который все равно «отберутъ». Именно такое представленіе, что вся политика министерства продовольствія направлена на то, чтобы «отбирать» по «твердымъ» (т.-е. «несправедливымъ») цѣнамъ въ казенную «монополию» (столь грубаго права крестьянинъ, да еще почувствовавшій свободу и считающій себя господиномъ не только своей, но и помѣщицкой земли, просто не постигаетъ), вызываетъ обиду и увѣренность, что его обманываютъ. Хлѣбный торговецъ долженъ самъ явиться въ деревню и торговаться насчетъ хлѣба, какъ встарину, а не проводить дѣла бюрократически, обычно издалека, изъ города, съ патриотическими воззваніями или прямыми угрозами и по не подлежащей спору цѣнѣ. Страшное обезцѣненіе денегъ заставитъ насъ, горожанъ, платить дорого за хлѣбъ, но и промышленная разруха и огромный ростъ заработной платы будутъ рано или поздно сильно бить по карману того же крестьянина: въ экономикѣ мы всѣ—партнеры¹⁾. Если же, дѣйствительно, крестьянство отъ искусственно высокихъ цѣнъ на хлѣбъ зарабатываетъ «военную прибыль», то практически не остается другого пути, какъ под-

¹⁾ Количество кредитныхъ билетовъ увеличилось въ $8\frac{1}{2}$ разъ, и специалисты денежнаго обращенія, какъ проф. Туганъ-Барановскій, полагаютъ, что нормально цѣны должны были бы возрасти въ той же пропорціи. А мы самыми неестественными путями пытаемся остановить ихъ ростъ и дѣлаемъ все, что угодно, кромѣ единственно цѣлесообразнаго—проведенія финансовой реформы и оздоровленія экономическаго строя...

пять сильнѣйшимъ образомъ косвенные налоги на сахаръ, керосинъ и т. д. Конечно, встать на этотъ путь мы будемъ имѣть моральное право только послѣ осуществленія демократическихъ реформъ прямого обложенія,—но здѣсь не мѣсто касаться этого обширнаго вопроса...

Затѣмъ, надлежитъ обратить самое серьезное вниманіе на борьбу съ реквизиціями хлѣба, особенно у посредниковъ, допуская таковыя, при соблюденіи строгихъ условий, почти исключительно лишь непосредственно у производителей. Пользуясь правомъ преимущественной перевозки, городскія власти, при желаніи, безспорно смогутъ господствовать на рынкѣ. Сплошь и рядомъ придется закупать тамъ, гдѣ хлѣбъ дорогъ, ибо тамъ, гдѣ онъ дешевле, по общему правилу нельзя организовать вывоза изъ-за желѣзнодорожныхъ затрудненій, и здѣсь надо руководствоваться указами желѣзнодорожныхъ порайонныхъ комитетовъ. Гарантируйте свободу отъ реквизицій и предоставьте городскимъ властямъ свободу цѣнъ на покупаемый хлѣбъ, и немедленно получится масса предложений, лишь бы добыть право первоочередной отправки. Весь хлѣботорговый аппаратъ немедленно долженъ быть использованъ на коммисіонныхъ началахъ. «Твердыя цѣны» надо превратить въ нормальныя цѣны только для казенныхъ закупокъ для армии, отступленіе отъ каковыхъ цѣнъ допустимо для закупщиковъ интендантства при соблюденіи нѣсколько болѣе сложныхъ формальностей контрольнаго свойства. Мѣстныя продовольственныя управы должны категорически отказаться отъ системы такъ¹⁾ и реквизицій, и министерству продовольствія придется открыть серьезную борьбу противъ всѣхъ новѣйшихъ нелѣпостей подобныхъ таксировокъ, реквизицій, обысковъ багажа и т. п., которыми занимаются въ настоящее время многія продовольственныя управы. Теперь предположено передать продовольственное дѣло въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія, но вѣдь важно не это, а измѣненіе самыхъ принциповъ современной постановки продовольственнаго дѣла и однообразное регламентированіе этого дѣла изъ одного центра. «Хлѣбная монополия» въ принципѣ должна остаться, но именно въ смыслѣ предоставленія министерству продовольствія неограниченной или диктаторской власти въ отношеніи производства перевозки, распредѣленія и потребленія продовольствія. Частная торговля отнюдь не должна устраняться, и она должна дополнять дѣятельность продовольственныхъ властей, т.-е. такъ, какъ это дѣлается теперь на Западѣ. Карточная система должна составлять

¹⁾ Таксы слѣдуетъ постепенно замѣнить справочными цѣнами, т.-е. основанными на реальныхъ цѣнахъ биржевого оборота, выясняемыхъ на собраніяхъ представителей торговли и продовольственныхъ властей: и какъ банки и банкиры продаютъ фонды и акции исключительно по цѣнамъ биржи, такъ и различная торговля подчинилась бы справочнымъ цѣнамъ. Можно было бы съ пользой обязать торговцевъ вывѣшивать цѣны на главные товары снаружи передъ входомъ на видномъ мѣстѣ (по образцу многихъ городовъ запада), воспрещать повышеніе цѣнъ чаще, чѣмъ 2—3 раза въ мѣсяцъ, и требовать точной регистраціи запасовъ. Но въ видѣ единственно рациональнаго способа борьбы противъ ненормально высокихъ цѣнъ необходимо широкое развитіе собственныхъ городскихъ продовольственныхъ лавокъ и оказаніе всякаго содѣйствія кооперативнымъ организаціямъ. Вообще говоря, таксы могутъ еще имѣть нѣкоторый практическій смыслъ, если какого нибудь продукта имѣется достаточное количество, но онъ находится въ монопольныхъ рукахъ.

исключение, а не общее правило. Нужно вечно помнить совершенно верный вывод социалистического конгресса в Риме, который прекрасно выяснил, что казенная эксплуатация любого предприятия, а особенно монопольного, всегда представляет общественный вред, если себестоимость производства у него выше, чем в таком же частном производстве. Мы все время увлекаемся идеями всяких монополий и мечтаем о будущей чайной, сахарной, спичечной и проч. монополиях. Но разве при существующих условиях можно рассчитывать на то, что наше правительство справится с делом продажи чая (ведь закупка и распределение чая—в высшей степени сложная операция), сахара и т. д., вследствие чего мы стесним частную инициативу и будем сидеть добрую часть года без всех этих продуктов (см. в цитиров. выше III выпуск моей «Финансовой реформы», стр. 83 слѣд.)?

Словом, в столь тяжелое время нужна широкая инициатива, сотрудничество всех слоев населения и коренное изменение всей продовольственной политики, иначе нас неизбежно постигнут ужасающие бедствия...

Проф. Пав. Гензель.

25 августа 1917 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Борьба за власть и отходъ отъ «политики» населения.—Абсентеизмъ на выборах.—Предостерегающіе голоса кооператоровъ.—Демократическое Совѣщаніе.

Въ центрахъ, на верхахъ политической арены, идетъ напряженная партійная борьба за власть. Крайній лѣвый флангъ революционной демократіи, большевизмъ, поднявшій голову послѣ ликвидаціи корниловскаго движенія, уже не мирится съ коалиціей, явно идетъ противъ Временнаго Правительства за его «соглашательство» съ буржуазіей и требуетъ передачи всей власти «совѣтамъ», организаціямъ революционной демократіи. Большевицкіе органы печати полны призывовъ къ борьбѣ. Временное Правительство этими органами обвиняется въ «контръ-революционности», глава правительства, министр-предсѣдатель А. Ф. Керенскій обзывается «корниловцемъ», коалиционное устройство правительственной власти признается недопустимымъ, вмѣсто коалиціи должна быть «диктатура пролетаріата». Цѣль начатаго движенія ясна: захватъ власти и социальная революція. Такъ комментируются лозунги большевистскаго движенія всей социалистической печатью. Эта борьба за власть—наканунъ своего кульминаціоннаго пункта. Пушены въ ходъ все демагогическія средства. Къ ней сдѣлана вся нужная подготовка: переизбраны президіумы совѣтовъ большевистскаго состава, вопреки распоряженію Временнаго Правительства сохранена дѣятельность, такъ называемыхъ, «комитетовъ по борьбѣ съ контръ-революціей», по настоянію совѣтовъ смѣщенъ весь высшій командный составъ, и пр., и пр. Реорганизація правительства на коалиционныхъ основаніяхъ остановлена. Созвано «демократическое совѣщаніе», въ задачу котораго, по мысли совѣтовъ, входитъ «завоеваніе власти демократическими организаціями».

Изъ «совѣщанія» исключены все цензовые элементы и несоциалистическія партіи. Раздаются требованія, чтобы разслѣдованіе «корниловскаго мятежа» велось

въ направленіи выясненія не только его участниковъ, но и всехъ тѣхъ, кто даже «тайно ему сочувствовалъ», и по отношенію ко всемъ требуются суровыя кары. Подъ предлогомъ борьбы съ контръ-революціей буржуазные классы и несоциалистическія партіи лишены «огня и воды». Въ политической борьбѣ готовы перейти отъ словъ къ «дѣлу», къ гражданской войнѣ. Дѣйствительное народное дѣло, удовлетвореніе нуждъ страны, государственная оборона, продовольствие населенія, устраненіе экономической, финансовой, транспортной разрухи, все это оставлено. У демагоговъ нѣтъ для этого ни времени, ни силъ. Все ихъ интересы въ политической борьбѣ, которая къ тому же можетъ привести только къ пагубному концу, ибо даже социаль-демократическій органъ «Впередъ» не сомнѣвается, что «если бы эта большевистская диктатура все же осуществилась, она завтра же проложила бы дорогу какой-нибудь «генеральской» диктатурѣ, которая торжественно справитъ похороны русской революціи».

Вихрь политической борьбы захватилъ руководящіе круги. А населеніе, доподлинный народъ, повидимому, отходитъ отъ «политики». Его интересуетъ дѣловая жизнь, онъ охваченъ заботами о матеріальныхъ нуждахъ. Разъѣздной лекторъ по организаціи волостныхъ выборовъ пишетъ въ «Нижегородск. Листкѣ»: «При объѣздѣ Нижегородскаго уѣзда все лекціи, на какую бы тему онѣ ни начинались, заканчиваются со стороны крестьянъ продовольственнымъ вопросомъ. Сѣтуютъ на свои продовольственныя управы, а также уѣздную и губернскую; мало даютъ продовольствія». И къ выборамъ въ новое волостное земство населеніе относится болѣе чѣмъ равнодушно. Уже выборы въ новыя демократическія городскія думы, несмотря на всю интенсивность и страстность происходившей избирательной партійной борьбы, показали, что добрая половина населенія городовъ осталась чуждой интересамъ этой борьбы. Абсентеизмъ населенія при выборахъ въ волостное земство достигъ еще большаго размѣра. Отовсюду идутъ вѣсти, какъ ничтожно количество населенія, принимавшаго участіе въ выборахъ въ волостное земство. А между тѣмъ волостному земству, несомнѣнно, будетъ принадлежать огромная роль въ жизни трудового крестьянства, и индифферентизмъ населенія къ выборамъ—печальное явленіе. Волостное земство должно заложить прочный фундаментъ порядка, законности и государственности въ жизни деревни. И это понимали общественныя организаціи и политическія партіи. Всероссийскій совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ въ своемъ воззваніи указывалъ, что «очередной и самой важной, и самой отвѣтственной задачей великаго переустройства является организація выборовъ въ волостныя и уѣздныя земства». Населеніе не откликнулось въ должной мѣрѣ на этотъ призывъ. Отчасти причиной тому крестьянская темнота, но есть и болѣе важная причина: утомленіе населенія политической борьбой и разочарованіе въ руководителяхъ революціоннаго движенія, которые за борьбой не видятъ дѣла и не идутъ навстрѣчу дѣйствительнымъ потребностямъ народа. Между верхами, гдѣ творится высокая политика, гдѣ свержаются министры, гдѣ идетъ страстная политическая игра, и низами, глубокой толщей народныхъ массъ, нѣтъ духовнаго единства, хотя «политика» центровъ и ведется отъ имени яко бы народныхъ массъ, которыя, однако, въ дѣйствительности вовсе

не участники этой политической игры. Верхи, ведущие политическую игру, сторвались от страны. Вспыхнувший пожар партийных страстей и классовой борьбы за власть это—дѣло рукъ кучки политиканствующихъ демагоговъ, а не дѣло народа.

Предостерегающій голосъ о такомъ расхождении петроградскихъ революціонно-демократическихъ верховъ съ интересами демократическихъ низовъ уже раздался на происходившемъ въ Москвѣ кооперативномъ съѣздѣ. Кооперативы категорически высказались противъ большевистскихъ замысловъ по части «захвата власти» и выставили программу, которая во многомъ расходится съ направлениемъ дѣятельности совѣтовъ. Это—голосъ демократическихъ низовъ, составляющихъ толщу населенія страны, и въ этомъ никто не можетъ усомниться. Въ кооперативные союзы объединены многомилліонныя массы. Русская кооперация можетъ говорить отъ многихъ милліоновъ трудового населенія Россіи, организованныхъ въ 50 тысячахъ мѣстныхъ кооперативныхъ ячеекъ и скрѣпленныхъ въ нѣсколькихъ сотняхъ союзныхъ объединеній, у нея глубокая связь со страной. Россія еще ждетъ голоса всей страны. Онъ будетъ слышанъ только на Учредительномъ Собраніи. Пока слышались голоса, крѣпче только старались выдать себя за мнѣніе широкихъ слоевъ населенія. На ряду съ этими голосами, не имѣющими никакихъ мандатовъ, чтобы говорить отъ имени народа и навязывать ему свои желанія, голосъ русской кооперации мощно звучитъ, какъ отражающій реальные интересы нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ гражданъ, тѣсно связанныхъ съ хозяйственной жизнью страны.

И вотъ мы слышимъ, что русская кооперация зоветъ всѣ живыя организованныя силы страны къ единенію, находя, что только въ единеніи—сила и спасеніе страны и революціи. Кооперация будетъ бороться противъ всѣхъ элементовъ, стремящихся къ гражданской войнѣ, откуда бы они ни появились. Необходимо созданіе твердой государственной власти въ центрѣ и на мѣстахъ. Въ наказѣ, принятомъ кооперативнымъ съѣздомъ для своей делегации, ѣдущей на «демократическое совѣщаніе», говорится: «Должно быть организовано національное коалиціонное правительство съ привлеченіемъ въ его составъ представителей различныхъ социальныхъ группъ, какъ революціонно-демократическихъ, такъ и буржуазныхъ, способныхъ свои личные интересы и интересы своего класса подчинить интересамъ государственнымъ и лично незапятнанныхъ въ мятежныхъ выступленіяхъ противъ революціоннаго правительства съ какой бы то ни было стороны. Правительство это должно быть свободно отъ всякой зависимости отдѣльныхъ группъ и организаций и отвѣтственно только передъ народнымъ и Учредительнымъ Собраніемъ». Кооперация высказывается за активную оборону страны, противъ «созданія всякой иной вооруженной силы помимо государственной». Основнымъ заданіемъ кооперация считаетъ устроеніе тяжко потрясенной хозяйственной жизни страны и укрѣпленіе уже достигнутыхъ революціей завоеваній.

Таковъ голосъ кооператоровъ и такова ихъ программа. Это программа объединенія, а не разъединенія, программа укрѣпленія завоеваній революціи, а не навыка «углубленія революціи», программа, зовущая къ работѣ, къ сплоченію вокругъ Временнаго Правительства, и возстающая противъ всѣхъ боевыхъ

призывовъ къ захвату власти, къ гражданской войнѣ и анархіи. Въ этомъ направленіи высказалось уже московское государственное совѣщаніе, указавшее, что условия для существованія сильной власти лежатъ въ сотрудничествѣ всѣхъ политическихъ группъ и классовъ, въ ея коалиціонномъ устройствѣ, и призывавшее къ объединенію, а не къ разрыву, къ сотрудничеству, а не къ гражданской войнѣ. И все, происходящее въ странѣ, показываетъ, что страна жаждетъ мира, а не перманентной политической борьбы, и что большевизмъ, воспрянувшій въ петроградскихъ революціонныхъ кругахъ, не имѣетъ глубокихъ корней въ демократическихъ низахъ населенія.

«Демократическое Совѣщаніе», которое по мысли совѣтовъ должно рѣшить вопросъ объ организационности власти въ настоящій моментъ, открылось. Съ перваго дня засѣданія въ немъ обозначились рѣзко противоположныя теченія: за коалицію и противъ коалиціи. Точку зрѣнія коалиціоннаго устройства власти проводили В. М. Черновъ отъ имени партіи с.-р. и И. Г. Церетелли отъ большинства с.-д. меньшевиковъ. За однородный демократическій составъ правительства, исключаящую коалицію съ несоціалистическими партіями, высказались представитель большевиковъ Каменевъ и представитель меньшинства с.-д. фракціи меньшевиковъ Богдановъ. Каменевъ настаивалъ, что власть можетъ быть въ рукахъ того или другого класса, досель она была въ рукахъ буржуазіи, теперь должна перейти къ демократіи. Переходъ этотъ, какъ сказалъ Богдановъ, долженъ быть произведенъ на происходящемъ совѣщаніи, которое должно намѣтить и органы, передъ которыми будетъ отвѣтственна новая власть. И. Г. Церетелли находилъ созданіе однородной демократической власти задачей непосильной. Эта власть будетъ дѣйствовать въ условияхъ, которыя неблагоприятны для осуществленія ея задачъ, только односторонними силами демократіи. Отсюда необходимость соглашенія, и оно возможно, такъ какъ программа демократіи формулированная, 6 мая, 8 июля и 14 августа, приемлема и для буржуазіи. Таковы два теченія, обозначившіяся на совѣщаніи,—умѣренное и крайнее. На сторонѣ благоразумнаго теченія—представительство общественныхъ организаций, земствъ, городовъ, кооперативовъ.

Н. Горданскій.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

Факты и настроенія.

День открытія помѣстнаго Собора Православной Всероссійской Церкви, котораго православная Русь не видѣла почти два съ половиною вѣка, безспорно начинаетъ новую страницу въ ея жизни. Казалось бы, что и для блага самой Церкви и для блага государства ранѣе должно было совершиться это столь долгожданное событіе; и многие сыны нашей Церкви настойчиво стремились, особенно за послѣднія 10—12 лѣтъ, приблизить день Собора. Но у исторіи, водимой рукою Промысла, свои сроки. Среди кровавой и темной анархіи занимается заря новой церковной жизни, «въ великій и страшный часъ, когда въ мукахъ и въ великихъ испытаніяхъ рождается и созидается новая свободная Россія», русская православная Церковь призывается къ свободному переустройству своей жизни извнѣ и внутри на творческихъ началахъ соборности.

Но по силамъ ли русской Церкви нашихъ дней такая задача?—съ горькимъ сомнѣніемъ спрашиваютъ нѣкоторые изъ ея сыновъ. Тяжелое наслѣдіе получено Церковью отъ прошлаго, въ которомъ она за внѣшнюю поддержку государства заплатила дорогою цѣною угасанія творческаго духа, утратою внутренней самостоятельности и самодѣятельности, разъединеніемъ между епископатою и клиромъ и паденіемъ авторитета того и другого. Достаточно здѣсь вспомнить ужасъ и позоръ распутиновщины...

Съ такимъ оскуднѣемъ силъ встрѣтила русская Церковь революцію и за это оскуднѣе вынуждена была въ «дни свободы» выносить тяжелья и опасныя испытанія...

Конечно, все это правда. Но правда и то, что у Церкви есть неоскудѣвающи источникъ возрожденія и обновленія силъ въ единеніи ея членовъ со Христомъ и во Христвѣ. Соборъ и долженъ служить выраженіемъ такого единства и свою дѣятельность началъ, по меньшей мѣрѣ, въ стремленіи къ нему. 15 августа члены Собора собрались за литургіей, въ день храмоваго праздника, въ Успенскомъ соборѣ,—этой національной всероссійской святынь, гдѣ все говорить о томъ прошломъ, когда Церковь была дѣятельной строительницей земли русской; объ этомъ особенно не могли не вспоминать члены Собора, когда, слѣдуя выработанному церемоналу, поклонялись нетлѣннымъ останкамъ святителей московскихъ, въ архипастырскомъ служеніи крѣпкою связью соединившихъ благо Церкви и благо родной земли.

Знаменательна была встрѣча Собора съ народомъ.

Когда Соборъ въ крестномъ ходѣ черезъ Спасскія ворота появился на Красной площади, глазамъ представилось незабываемое зрѣлище: здѣсь ожидали, наполнившие громадную площадь, тысячи богомольцевъ, прпшедшихъ съ крестными ходами, какъ бы навстрѣчу Собору, со всѣхъ концовъ православной Москвы. Въ единеніи съ нею, на ея историческомъ лобномъ мѣствѣ, и совершилъ Соборъ первое открытое молебствіе по особому чину; пѣли члены Собора. Велика была особая непередаваемая литургическая красота этого зрѣлища и сила стихійнаго религиознаго одушевленія, охватившая богомольцевъ. Недаромъ одинъ изъ видныхъ членовъ Собора кн. Е. Н. Трубецкой, вспоминая это торжество, говорилъ въ привѣтствіи Собору: «Среди великой скорби, переживаемой нами теперь, есть одинъ проблескъ свѣтлой радости. Никто не забудетъ минуты, проведенныя въ Успенскомъ Соборѣ и на Красной площади въ день 15-го августа».

Торжественное открытіе засѣданій Собора состоялось 16-го августа въ храмѣ Христа Спасителя послѣ литургіи, за которой протопресвитеръ Н. А. Любимовъ, настойчиво и дѣятельно проводившій мысль о скорѣйшемъ созывѣ Собора, обратился къ членамъ послѣдняго съ горячимъ призывомъ помочь православному народу на тернистомъ историческомъ пути нашихъ дней; помочь эту Соборъ окажетъ тогда, когда во всеуслышаніе скажетъ слово правды и любви Христовой. Епископы, облаченные въ мантии, двинулись изъ алтаря на средину храма и размѣстились по старшинству, отчасти на каедрѣ, отчасти на поставленныхъ въ уровень съ нею въ направленіи алтаря боковыхъ скамьяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ; позади епископата на скамьяхъ и стульяхъ размѣстились остальные члены Собора. Когда всѣ заняли свои мѣста, раздалось одушевленное пѣніе членовъ Собора: «Днесъ благодать Св. Духа нась собра...» Умолкло пѣніе. Члены Собора съли, и началось принесеніе привѣтствій. Первымъ говорилъ министръ исповѣданій А. В. Карташевъ отъ лица Временнаго Правительства, «гордаго сознаниемъ того, что видитъ открытіе Собора подъ его сѣнью и защитой». Оно смотритъ на Соборъ не какъ на обычный съѣздъ, а какъ на полномочный органъ церковнаго законодательства, которому предоставлено «выработать и внести на уваженіе Временнаго Правительства законопроектъ о новомъ порядкѣ свободнаго самоуправленія русской Церкви». Отъ себя министръ ограничился краткимъ, но сильнымъ по духу вѣрью и преданности Церкви привѣтствіемъ: «исполнивъ долгъ заявленіемъ отъ лица Временнаго Правительства, я не смѣю ничѣмъ болѣе осложнять свою рѣчь и обнаруживать глубоко волнующія меня, какъ сына Церкви, чувства. Выражу эти чувства молчаливо, оспивъ себя крестнымъ знаменіемъ». Затѣмъ послѣдовалъ рядъ привѣтствій: отъ св. Синода (митрополитъ тифлисскій Платонъ), отъ Государственной Думы (М. В. Родзянко) и отъ другихъ учреждений, организаций и лицъ. Въ этихъ привѣтствіяхъ съ одной стороны выражалась радость объ освобожденіи Православной Церкви отъ узъ формализма и отъ подчиненія ея политическимъ и личнымъ цѣлямъ, съ другой—высказывалась надежда, что Соборъ найдетъ силы для умиротворенія и просвѣтленія мятежной души народной и призоветъ православную Русь на путь любви и правды, внѣ котораго смерть. Привѣтствовавшій Соборъ отъ армии и флота протопресвитеръ Г. І. Шавельскій просилъ о духовной помощи русскому воину силой молитвы и убѣжденія.

17-го августа засѣданія Собора открылись въ большомъ залѣ Епархіальнаго дома, специально приспособленномъ для

этой цѣли. По прибытіи временнаго предсѣдателя, митрополита кievскаго Владиміра, къ Собору обратился съ привѣтствіемъ отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго, отъ чиновъ Ставки и высшаго команднаго состава кн. Г. Н. Трубецкой: «Не страшеть внѣшній разгромъ, если духъ народа не поколебленъ о печально, и теперь есть надежда, что воскреснетъ св. усь: изъ глубинъ народныхъ выйдеть возрожденіе ея,—Соборъ молитвами и словомъ зажжетъ въ армии пламень вѣры и тѣмъ вызоветъ ея къ дѣйствію». О возвращеніи ко Христу, какъ единственному пути спасенія Россіи, говорилъ въ привѣтствіи словѣ отъ Московскаго университета и религиозно-философскаго общества имени В. С. Соловьева кн. Е. Н. Трубецкой. «Какъ вѣсть изъ другого міра прищель къ намъ Церковный Соборъ. Христось посреди насъ! Нынѣ Москва двинулась во срѣтеніе Ему. Пусть же то будетъ и во всей Россіи. Пусть Соборъ будетъ благодатною вѣстью о воскресеніи народномъ». Архиепископъ Евдокимъ принесъ привѣтствіе отъ православной церкви, съ апостольскимъ рвеніемъ миссіонерствующей въ Америкѣ. Отъ американской епископальной церкви за подписью К. П. Андерсона, епископа а Чикаго, получена слѣдующая телеграмма: «Комитетъ всемірной Конференціи Американской епископальной Церкви шлетъ братскія привѣтствія Собору святой православной Россійской Церкви. Духъ Св., пребывавшій надъ соборомъ св. апостоловъ, да блюдетъ вашу священную Церковь и народъ въ эти знаменательные дни».

По окончаніи привѣтствій митрополитъ Владиміръ, какъ временный предсѣдатель, обратился къ членамъ Собора съ рѣчью: указывая на недостатокъ единенія, обнаруженный въ предсоборномъ совѣщаніи и предсоборномъ присутствіи, архипастыръ призываетъ, особенно въ наше время партійной распри и духовнаго разединенія, къ тому единенію, о которомъ молилъ Христось Отца Небеснаго въ первосвященнической молитвѣ: «Да будутъ вси едино» Съ такимъ истинно-архипастырскимъ напутствіемъ члены Собора приступили къ организационной работѣ. Членъ Св. Синода протопресвитеръ Н. А. Любимовъ доложилъ, что Св. Синодомъ въ качествѣ руководства вручается Собору Уставъ, по которому вся полнота Церковной власти передается Собору. Существенной и въ то же время спорной чертой соборнаго наказа, вызвавшей рѣзкое раздѣленіе между членами предсоборнаго присутствія и угрожающей мирному теченію дѣла на самомъ Соборѣ, является установленіе особаго соборнаго органа въ видѣ «Совѣщанія епископовъ», куда выходитъ каждое, принятое общимъ собраніемъ членовъ Собора, правилодательное или основоположное постановленіе для обсужденія съ точки зрѣнія соответствія слову Божию, канонамъ и преданіямъ Церкви. Совѣщаніе въ трехдневный срокъ можетъ большинствомъ 2/3 голосовъ отвергнуть то или иное постановленіе Собора и снова внести его, съ приведеніемъ къ тому основаній, на общее разсмотрѣніе. Постановленіе, отвергнутое совѣщаніемъ епископовъ вторично, не получаетъ силы соборнаго опредѣленія.

Протопресвитеръ Г. І. Шавельскій молить Соборъ первое слово отдать армии, въ рукахъ которой спасеніе Россіи. Армія, еще такъ недавно, при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, совершавшая невѣроятные подвиги, теперь обнищала духомъ. Мы собирали матеріалы о звѣрствахъ нѣмцевъ. Матеріалы эти многочисленны. Но если бы меня спросили—что съ ними дѣлать? Я бы сказалъ: разорвать и бросить! Что эти звѣрства въ сравненіи съ звѣрствами нашихъ солдатъ во время послѣднихъ отступленій! Но не все потеряно. Правда, есть въ армии процентъ людей, погибшихъ для Церкви и родины. Но есть въ ней и «Никодимы»—это солдаты, тайкомъ по ночамъ приходящіе къ священнику: они буквально со слезами скорбятъ о разрухѣ въ войскахъ. Больше же половины—люди растерявшіеся, которымъ-то и нужна нравственная помощь, и тогда снова вспыхнетъ въ нихъ угасшій духъ воинской доблести. Пусть Соборъ не медлитъ съ воззваніемъ къ армии; воззванія слѣдуетъ время отъ времени повторять; должно образовать для армии особый кадръ проповѣдниковъ, между прочимъ и для московскаго гарнизона, имѣющаго такое большое значеніе. Кн. Е. Н. Трубецкой, взявши слово послѣ о. протопресвитера и пополняя мысль В. П. Шеина, говорить о необходимости, чтобы не только Москва, но вся Россія молилась съ Соборомъ о своемъ спасеніи. И вообще необходимо стремиться къ невозможной тѣснѣйшей связи Собора со всею церковною Россією. Соборъ долженъ объединить ее около себя. Пусть въ самой отдаленной и убогой сельской церковкѣ слышится откликъ на дѣянія Собора.

Б. Гречевъ.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковский пер., соб. домъ.